

Рейчел Сейфферт

Темная комната

2001

Сейфферт Р.

Темная комната / Р. Сейфферт — 2001

В этой книге – Германия, которую мы не знали: довоенный Берлин глазами молодого фотографа, дети-беженцы весны 1945-го, внук эсэсовца, спустя полвека расследующий преступления деда в Белоруссии. Трагедия Второй мировой особым образом отразилась на судьбах простых граждан страны, развязавшей самую жестокую войну XX века. Попытка разобраться «изнутри» в опыте войны, прошедшей через каждый дом и каждую семью, приводит порой к неожиданным и шокирующим откровениям. «Темная комната», дебютный роман Рейчел Сейфферта (р. 1971), дочери немки и австралийца, в 2001 году был включен в шорт-лист премии Букера.

Содержание

Гельмут	5
Лора	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рейчел Сейфферт

Темная комната

Гельмут

Берлин, апрель 1921-го

Родился. Мать прижимает его к груди, баюкает, впервые кормит. Счастлива, что держит на руках жизнь, которую ощущала в себе все эти месяцы. Он немного недоношен, но не такой уж крохотный, и ее пальцы живо оказываются в миниатюрных тисках его кулаков. Она уже знает его и любит. Когда муж приходит домой с работы, акушерка отводит его в сторону. Не дает сразу пройти в спальню. В отличие от жены, ему не суждено увидеть сына совершенным: полюбить его прежде, чем узнать о недостатке.

Больница переполнена, рекомендованный акушеркой доктор – человек бойкий и понимающий. Новоиспеченным родителям сообщают, что дефект этот врожденный, но для здоровья неопасный. Говоря простым языком, у их сына не хватает в груди одной мышцы. Если регулярно проходить физиотерапию, то он сможет писать и выполнять все необходимые в повседневной жизни действия. Разумеется, он никогда не будет владеть правой рукой полноценно, и ручной труд исключен, но отсутствие одной грудной мышцы нельзя признать серьезным недостатком. Возможно, со временем он даже сможет играть в спортивные игры, хотя до такой степени обнадеживаться не следует.

Дома они разглядывают своего малыша, который гукает и сучит ножками в кроватке. Скрюченные ручки-ножки, удлиненные большие пальцы, складочки нежной кожи. Настоящий красавец. И молодые родители улыбаются друг другу, готовые дружно рассмеяться. Раскрывают распашонку на груди возле правой подмышки и внимательно за ним наблюдают. Одна сторона немного меньше, чем другая, это правда. Но обе руки, когда его кормишь или щекочешь, толкаются довольно сильно – он крепкий подвижный малыш. Мутти¹ плачет: все с ним в порядке. Папи обнимает ее, не сводя глаз с сына. Пока ребенок спит, они молча сидят рядышком на кровати. И назвали они своего малютку Гельмут, яркая натура, ибо таким видели его. Вполне совершенным, и все тут.

* * *

Сурова жизнь между войнами: простая пища, скучные радости, теснота. Отец Гельмута воевал и теперь кашляет по ночам и в сырую, осеннюю погоду. Он старше жены и благодарен ей за подаренное счастье, поэтому день за днем встает рано и идет на поиски работы. В квартире, куда он возвращается вечерами, всегда чисто и тепло, по меньшей мере в одной из двух комнат. Мать Гельмута ведет хозяйство с умом, поэтому на столе у них всегда что-нибудь да есть. Родители не нарадуются на единственного малыша и не спешат заводить второго ребенка, изливая всю любовь на Гельмута, который смеется гораздо чаще, чем плачет. Все трое спят на матрасе, теплом и большом, и, хотя Гельмут теперь трещотка и юла, отдельная кровать

---

¹ Мутти – мама (*mam*). – Здесь и далее примеч. ред.

для него кажется неоправданной роскошью. Мутти растит на подоконнике травы и цветы, и Гельмут ей помогает, а папи, если не слишком устанет после работы, споет мальчику одну-две песни. Для Гельмута утренняя и вечерняя зарядка – игра, в которую он играет с родителями. Он думает, что так делают все мальчики, чтобы стать сильными, как их отцы. Что все семьи такие же счастливые.

Жарким летом мутти увозит маленького Гельмута далеко на север, к морю, а отец остается дома и берется за любую подвернувшуюся работу. За неделю волосы у Гельмута выгорают, а сам он становится смуглым, как орех. Он играет голышом на мелкоте с другими детьми, а мутти на пляже заводит дружбу с другими мамашами. Мутти никогда не говорит о сыновней груди, о руке, и, если остальные женщины тоже вроде как ничего не замечают, она успокаивается, становится разговорчивее и, лежа на спине, наслаждается обществом и солнцем.

Летними вечерами комнаты спортивного лагеря полнятся шепотом. Матери рассказывают на ночь своим неугомонным детям сказки, делятся между собой тайнами и сигаретами у раскрытое в душное темное небо окна. Сквозь дремоту Гельмут чувствует, как мать укладывается рядом с ним, как остро пахнут дымом ее волосы, и, закрыв глаза, снова проваливается в сон. Палец во рту, под ногтями песок, соленая от морской воды кожа.

* * *

Отец Гельмута устроился на постоянную работу к герру Гладигау, владельцу вокзального фотоателье. Это три-четыре дня в неделю стабильного дохода. Теперь папи прибирается в темной комнате, меняет реактивы, а когда герр Гладигау отлучается по делам, присматривает за ателье. Гладигау любит нового работника и доверяет ему. Сам он бездетный вдовец и рад знакомству с молодой и счастливой семьей. Он не может себе позволить платить столько, сколько ему хотелось бы и сколько необходимо семье Гельмута. Но взамен он предлагает вести фотолетопись семейной жизни. Они сходятся на семейном портрете. Фотографируются каждые полгода, поскольку мальчик растет быстро. Мутти в восторге, папи немного смущен, но тоже обрадован. Первая фотосессия назначается на следующую неделю. На отобранном папи снимке Гельмут стоит у отца на колене, а правой рукой тянется к искусственным пальмам, что у матери за спиной. Оба родителя с улыбкой смотрят на сына. Белокурый мальчик, только что вышедший из младенческого возраста; правая рука вытянута на уровне плеча, или даже чуть выше. Естественная поза для любознательного, подвижного ребенка, но для фотопортрета непривычная. Гладигау больше по вкусу чинные снимки, сделанные в начале сессии, на которых все сидят, сложив руки на коленях, и смотрят в камеру; но его помощник упорствует, и Гладигау, не найдя причин ему отказать, выбирает простую рамку по средней цене и аккуратно заворачивает фотографию.

* * *

При взгляде на тщательно заштопанную одежду и острые скулы – что на этом, что на позднейших портретах – Гладигау становится больно. Он встречается с папи почти каждый день, и каждый день – одно лицо, одни и те же куртка с туфлями. Но в темной комнате, на снимках, все проступает отчетливо, выпукло, явно: капустно-картофельная диета, бесконечное латание бесконечных дыр, жена, сын с увечной рукой. При первой же возможности Гладигау переводит папи на полный рабочий день.

Теперь у них хватает денег на приличное жилье. Они снимают квартиру в одном из домов рядом с вокзалом: все дома здесь в хорошем состоянии, светлые и чистые. Гельмуту, уже взрослому, чтобы спать вместе с родителями, отводится своя комнатка. Соседи – люди дружелюбные и хозяйственны, а во дворе полно ребятишек, так что Гельмуту есть с кем играть. Первое время он дичится, предпочитает смотреть на поезда, прибывающие и уходящие с вокзала. Целое утро сидит в кухне у окна, а за спиной напевает мать, занимаясь стряпней и уборкой. Но вскоре уже он смотрит на поезда с лестничной площадки, затем с черного хода. А потом и думать забыл о поездах и вместе с другими детьми кружится по двору в шумном хороводе пряток, догонялок и салочек.

Мутти ищет сына в квартире, на лестничной площадке, выходит на улицу – вот он, бегает. После обеда она садится у окна в кухне и смотрит, как сын играет. Мутти видит, что, когда он бежит, правая рука болтается немного позади. Подмечает, что правое плечо у Гельмута ниже левого, а при ходьбе он то и дело подпрыгивает, чтобы правый бок мог поспеть за тщедушным телом. Еще она видит, что сам Гельмут этого не замечает. Переводя взгляд на других детей, она наблюдает, как они топают босыми ножками, оступаясь на колдобинах. Бледная кожа и черные от голода круги под глазами, обкусанные ногти и растрепанные косички. Обувь-то можно купить, и еду тоже. Можно справиться с плохими привычками и причесать волосы. Гельмута же не вылечить достатком, хорошим питанием или дисциплиной. Однако соседские ребята его не дразнят, даже внимания особенно не обращают. И хотя сама мутти так и будет вечно наблюдать и сомневаться, она все же позволяет себе немного успокоиться.

* * *

В школе, однако, все меняется. Учитель физкультуры отправляет новых подопечных на полное обследование. Сняв майки и выстроившись в шеренгу, они замирают по стойке «смирно». Тех, кто как будто нуждается в особом режиме занятий, вызывают из строя и жалкой кучкой собирают в углу школьного двора. Гельмут оказывается среди толстяков и слабых мальчиков с гнилыми зубами и не может понять почему. Когда под молчаливым взглядом класса выясняется, что, в отличие от других мальчиков, он не может поднять правую руку выше плеча, Гельмут узнает, что с ним что-то не так.

* * *

Дома мутти плачет, а вернувшийся вечером папи приходит в негодование. Вместе с Гельмутом на следующий день он идет в школу и требует, чтобы его сыну разрешили заниматься физкультурой со здоровыми детьми. Рука никогда не мешала ему – ни во дворе, с соседскими ребятами, ни летом на пляже.

Папи просят подождать в просторном коридоре. Там нет кресел, и он стоит возле двери на кромке ослепительно сияющего паркета. Закончился один урок, начался другой, и папи окончательно опоздал на работу. В тишине он вспоминает рождение Гельмута. Вспоминает больницу, в которую они его принесли: с такими же коридорами и широкими хлопающими дверями, и чувствует ту же удручающую обиду за сына. Он злится на акушерку, на врача, к которому та их направила. Зачем они встали между ним и его ребенком? Злится и на директора школы, но не спорит, получив наконец письменный ответ. В дополнение к ежедневной физиотерапии Гельмут будет ходить на гимнастику, но, пока его состояние не улучшится, командные игры исключены. Пробежав глазами листок, папи берет шляпу и пальто и уходит.

Вечером отец сажает Гельмута на колени. Он сильный мальчик, будущий мужчина, мутти и папи его любят, и он будет стараться изо всех сил, чтобы в школе его оценили по заслугам. Они будут тренироваться вместе, все трое. И семья победит.

Но Гельмут по-прежнему числится среди толстяков и слабых мальчиков с гнилыми зубами. И по-прежнему не может поймать мяч, летящий выше уровня плеча. Ежедневные упражнения становятся более активными, но уже не столь увлекательными, особенно когда их проводит отец. В туалете в конце коридора Гельмут придирично изучает еле заметный мышечный жгут под правой ключицей. В большой зеркальной витрине булочной видит свою правую руку: скрюченную, свисающую ниже левой, налезающую на грудь.

* * *

Гельмут по-прежнему играет во дворе с соседскими детьми, но мутти часто замечает его за домами, у высокого забора: он стоит и смотрит сквозь решетку на проезжающие составы. Пусть вокзал и небольшой, но почти каждый день здесь останавливаются два-три пассажирских поезда, едущие из других городов или направляющиеся в далекие края. Дрезден, Лейпциг, Штутгарт, Мюнхен.

Гельмут не интересуется номерами паровозов и типами вагонов. Он любит изучать расписания и пункты назначения, следить за прибытиями и отъездами. Любит смотреть на людей в группах и поодиночке, катящих полные тележки с багажом или шагающих налегке. По их чужой походке и одежде – угадывать, бывали ли они прежде в Берлине.

Не всегда Гельмут стоит у забора один. Его энциклопедические познания в области расписания поездов производят сильное впечатление на мальчишек. К тому же он заводит дружбу с охранниками и черезтурникет забрасывает их коварными вопросами, когда какой поезд прибывает и далеко ли идет. Вскоре ему открывается доступ на платформу и возможность собирать у вновь прибывших прокомпостированные билеты. Иногда какой-нибудь пассажир, заметив его подштопанную одежду, незаметно сунет в руку *Groschen*². Гельмута подобные жесты немного смущают: родители, хоть и непонятно почему, наверняка бы его за это отругали. Однако он никогда не отказывается от подарков незнакомцев: конфеты, которые на них можно купить, – мощное оружие в войне за друзей. Он грамотно пользуется доступом на вокзал и кулечками с лакричными леденцами. Дареному коню в зубы не смотрят. Соседская ребятня охотно сбегается на его зов и, громыхая вслед за ним по лестницам, устремляется через двор к путям.

* * *

На семейных фотографиях за спинами сидящих родителей изображен уже довольно высокий, крепкий мальчик. На нем костюм моряка – типичная мальчишеская одежда для праздников и воскресений. Правая рука Гельмута лежит на плече матери, а сам он слегка развернут левым боком на камеру. Эта двойная хитрость призвана максимально скрыть его неровную грудь, спрятать скрюченную руку. На протяжении трех или четырех лет поза не меняется, перемены касаются только одежды, роста Гельмута да седеющей отцовской бороды. Семья выглядит довольной, поздоровевшей, лица по сравнению с предыдущими годами округ-

---

² *Groschen* – грош (шил.). (Здесь и далее примеч. перев.)

лились. Люди на фотографии, зная, что немощь сына искусно замаскирована, чувствуют себя свободно. Гордая, крепкая, начинающая преуспевать семья.

* * *

Переходный возраст и Третий рейх наступают одновременно. К ужасу Гельмута, у него не только появляются волосы на теле, но и под правой подмышкой пушок растет еще выше, под самую ключицу. С появлением мускулов странный рисунок сухожилий на груди проступает еще отчетливее.

Теперь гимнастикой в школе занимаются все мальчики, и неполноценность Гельмутовой руки сильнее бросается в глаза. Он носит фуфайки с длинным рукавом, а не майки, как остальные ребята. Мальчишки иногда глазеют на него в раздевалке, иногда, как прежде, походя толкают в бок в школьном коридоре, но чаще обходят молчанием. Гельмут хорошо учится, и у него есть несколько друзей в школе. Почти все свободное время он по-прежнему проводит на вокзале, чаще всего в одиночестве. Иногда, возвращаясь домой, он встречает во дворе соседских ребят. Постоит с ними минутку, посмотрит на их возню, посмеется шуткам, они спросят его о поездах, но станут слушать вполуха. Все они вступили в клубы, куда Гельмута не зовут, им теперь нужны компании и уличные стычки, и лакричные леденцы не прельщают их, как когда-то. Одна девочка со двора, Эdda Бине, бывает, приходит к нему на платформу. Она встает возле мешков с почтой, мусолит свои длинные косы и наблюдает за тем, как Гельмут приветствует сходящих с поезда пассажиров и собирает билеты. С возрастом его недостаток стал еще заметнее, а растущее благосостояние сделало пассажиров щедрее. Если поднакопить денег и угостить Эду мороженым в магазине возле ателье Гладигау, она, возможно, позволит взять себя за руку, а может, на обратном пути даже покажет Гельмуту под лестницей свои ноги.

Гельмут знает, что он здоров, что у него выносливое сердце, хорошие легкие и быстрые ноги, и он готов предложить их своей стране. А еще он знает, что он калека.

* * *

Гельмут окончил школу. Другие ребята идут работать, приобретают профессию, но Мутти уговаривает папи, чтобы сын побывал пока дома. Недолго, ведь он еще не готов, он совсем еще мальчик. Вздохнув, отец соглашается.

Мутти теперь берет на дом стирку, и Гельмут помогает складывать и разносить белье, но год или около того дни его протекают в основном между вокзалом и домом. Он покоен и доволен, в голове только расписание поездов. Он поглощает мамину горячие обеды, а мечтательный отсутствующий взгляд устремлен поверх кухонного стола в окно.

Папи недоволен бездельником сыном. У Гладигау дела идут хорошо. Он купил новые камеры, запасся пленкой, и теперь ему требуется помощник. Поэтому папи берет сына с собой. Хоть на что-то сгодится. Гельмут рад услужить отцу, и осенью ему наконец выпадает шанс. Выйдя из завтрака встретить первый поезд, Гельмут обнаруживает, что тротуары покрыты толстым слоем стекла. Ранние пассажиры осторожно пробираются по осколкам к воротам вокзала, мимо Гладигау. Он стоит на пороге своего чудом уцелевшего ателье и вглядывается в бледные ноябрьские рассветные сумерки. Гельмут берет ключи, отыскивает метлу и, не говоря ни слова, подметает осколки. Гладигау приходит в восторг. Парень теперь первый кандидат в помощники.

На этот раз настаивает папи, и мутти уступает. Гельмут будет работать по понедельникам, средам и пятницам, во второй половине дня, и по субботам, если случатся какие поручения. Хозяин и отец с сыном работают бок о бок: молча, усердно, со знанием дела. Гладигау любит мальчика, хорошо к нему относится, учит и наставляет, однако поблажек не делает.

* * *

Гельмуту нравится быть в темной комнате. Нравится умиротворяющий звук тихо бегущей из крана воды и щелочной запах реактивов. Свет он зажигает, только когда занимается уборкой, предпочитая и смешивать реактивы, и заправлять пленку при красном свете либо в глубокой густой темноте. Гладигау особенно удаются портреты, снятые на большую студийную камеру, и как только снимки проявлены, ни папи, ни Гельмут не смеют к ним присасаться. Впрочем, Гладигау пробует работать и с новыми аппаратами, куда заправляется рулонная пленка, и тогда скрупулезного и методичного Гельмута допускают обрабатывать негативы. Он терпеливо перематывает пленку умелыми пальцами, не нуждающимися в помощи глаз. Гельмут умеет выдержать время и во всем советуется с Гладигау; старик рад и горд, что его помощник проявляет такое понимание дела. Снимки печатает сам хозяин, зато Гельмуту позволяется самостоятельно экспериментировать с остатками растворов и лишними негативами. Несспешными послеобеденными часами, когда темная комната пуста, Гельмут учится печатать на обрывках толстой фотографической бумаги, добывших здесь же, на полках и в ящиках.

В маленьком дальнем туалете, что в стенному шкафу, под склянками с проявителем и фиксажем, Гельмут находит американские журналы, аккуратно обернутые в бумагу. На задвижке не хватает шурупа, поэтому Гельмуту приходится сидеть в полумраке и рассматривать черно-белые фотографии женщин в откровенных нарядах, крепко уперевшись в дверь ногой. Гельмут не понимает английского языка, но разбирает названия оборудования, вспышек, камер и линз. Немецкая пленка и немецкие фотоаппараты – самые лучшие, но эти американки тоже хороши. Округлые животы, маленькие груди, продолговатые широкие бедра. Некоторые фотографии сделаны на природе: девушки купаются, на их телах блики воды и света.

Когда Гельмут не работает, он думает о работе. Приглушенный свет, льющаяся вода, вытянутая правая нога. Американки с белой кожей и сломанная задвижка на двери туалета. Ночью он мысленно проецирует эти образы на потолок спальни, а, внизу, под окном, долгие товарные составы выступают свою неторопливую, умиротворяющую мелодию сна.

* * *

На востоке найдена новая земля; старая земля найдена вновь. Многое теперь стало лучше: ярче, чище, здоровее. Гельмут читает это в лицах родителей и знает, что этот ход вещей освящен законом. Он ощущает это в собственных ногах, шагая на вокзал; свежесть весны и грядущее лето твердят ему: больше, шире, сильнее.

Он откликнется на призыв. И пойдет, повинувшись ему, и, может быть, излечится.

* * *

В восемнадцать Гельмут вместе с тремя соседскими парнями является на призывной пункт. Их лица напряжены, глаза горят в предвкушении славных дел. У Гельмута пылают щеки, но в животе туча, которую никак не удается рассеять. Гельмут рад доброте доктора и уединению в кабинете – двухминутной милости, дарованной ему, чтобы проглотить мальчишеские слезы. Ребята крепко хлопают его по спине, приговаривая, что уж в следующий раз он непременно к ним присоединится. Отличные выйдут офицеры. На шнапс Гельмута не приглашают.

Торопливо, задними дворами, идет он домой. Такое ощущение, что каждый встречный направляется на фронт, а он должен возвращаться домой к маме. Закрывшись в чуланчике, Гельмут смотрит в окно. Плакать нельзя: это бы униило его еще больше. В соседней комнате, он знает, сидит мутти, сидит напряженно и неподвижно, вслушиваясь, теряясь в догадках. Он сжимает в кулаках скомканное одеяло, а перед глазами плывет оконное стекло.

* * *

Отец долго молчит. Гельмут под дверью родительской комнаты слушает и не слышит ни звука, руки делаются в темноте холодными и влажными. Слава богу, наконец папи заговорил. Хватит околачиваться на вокзале, витать в облаках. Он не ребенок больше и не девчонка, пора искать свое место в этом мире. Отец перестал делать с Гельмутом зарядку еще два года назад, а теперь настаивает, чтобы жена сделала то же самое. Этот ритуал ставит и мать, и сына в неловкое положение. Столько усилий – и все бессмысленно. Мутти скучает без ежедневного общения с сыном, но убеждает себя, что так нужно для его блага, и вскоре действительность начинает в это верить.

Родители Гельмута вступают в партию; Führer³ становится членом их семьи и поселяется на стене над софой посреди семейных портретов. В самом начале войны отец Гельмута находит прибыльную работу управляющего цехом на новой фабрике на окраине Берлина. Гельмут переходит на полный рабочий день.

* * *

Пришло время для последнего семейного портрета. Как-никак Гельмут уже взрослый. Гладигау, устанавливая камеру, подшучивает над мутти. Следующие фотографии сделаем на свадьбе да после на крестинах. Мутти краснеет, папи молчит, Гельмут срочно отправляется запереть входную дверь и затыкает уши. Ну наконец-то.

Последняя фотография: мужчины, отец и сын, стоят, а мать гордо сидит перед ними. Они положили руки ей на плечи, а Гельмут левой рукой обнимает отца. Теплый семейный круг.

В честь последнего сеанса Гладигау делает персональный портрет Гельмута. Он снят по грудь, левое плечо развернуто на камеру, глаза, повинувшись пальцу Гладигау, смотрят чуть вверх и вправо за рамку. Вокруг тонких губ легла тень улыбки, а из-за опущенного подбородка Гель-

---

³ Führer – фюрер (нем.).

мут выглядит застенчивым, похожим на девочку. Теперь у него темные волосы и, хотя их пригладили водой и отцовской помадой, на затылке по-прежнему торчит мальчишеский вихор.

Гладигау доволен своей работой. Вечером, за шнапсом, он кладет портрет перед собой на кассу. Вглядываясь в тяжелые брови и неяркие, глубоко посаженные глаза, вспоминает прежнего мальчика с острыми скулами и тонкими, хрупкими запястьями и одобрительно кивает этому невозмутимому молодому мужчине. Гладигау выбирает рамку – простую, но из дорогих – и заворачивает изображение Гельмута, чтобы передать потом его матери.

Мутти сидит на кровати, на коленях – фотография. Так сидит она полдня, не шелохнувшись, и отчего-то сильно колотится сердце. Прикрыв ладонью правый глаз сына, она смотрит на левый, ближний к камере, глаз и в нем находит источник своего беспокойства. Должно быть, думает она, дело в мышцах нижнего века, чуть-чуть напрягшихся в момент вспышки. Или это игра света: два ярких белых пятнышка на зрачке, из-за которых кажется, что ему больно. На семейном портрете, еще раз изученном, ничего такого нет; возможно, ее сын, застенчивый молодой мужчина, просто чувствовал себя неуютно, сидя один перед своим хозяином. В любом случае это был роскошный подарок, притом неожиданный. Как и рамка.

Портрет этот не висит в гостиной, где его могут увидеть посторонние. Сначала мать хранит его на ночном столике, а некоторое время спустя бережно убирает в ящик.

* * *

Война сплотила людей. Вечерами родители Гельмута подолгу беседуют на лестнице с соседями. Прислонившись к дверному косяку, пьют кофе и шнапс. Подымаются и затихают голоса, идут споры о том, что происходит, а что может произойти.

Для Гельмута это пора одиночества. На фронт ушли пока немногие, но все же сидеть дома ему стыдно. Он старается не встречаться с соседями, чьи сыновья сейчас сражаются, все чаще замыкается в себе, а отец с матерью не мешают ему молчать и быть одному.

Он по-прежнему ходит на вокзал до и после работы, иногда в обеденный перерыв, но больше не собирает билеты. Подачки пассажиров теперь унижают его, да и оскорбить люди могут запросто. Гельмут изо всех сил прячет руку: прижимает к груди или прислоняется правым боком к какой-нибудь колонне. Его интересуют не билеты, а в первую очередь расписание и пункты назначения, время прибытия и отправления поездов. У него есть книжечка в кожаном переплете, из тех, в которые добряк Гладигау записывает экспозицию. С начала войны расписание почти не изменилось, но малейшие поправки Гельмут обязательно фиксирует в книжечке. Дома, в своем чуланчике, он наклеивает собранную коллекцию билетов в альбом для вырезок и по памяти записывает довоенное расписание.

* * *

Гладигау никогда раньше не работал с цветной пленкой. Один из постоянных клиентов, чья дочь скоро должна была выйти замуж, уговорил его снимать свадьбу в цвете, и вот с утренней почтой прибыли первые образцы пленки. За чашкой кофе хозяин и его помощник изучают прилагающиеся брошюры. Часом позже Гладигау входит в темную комнату и, объявив, что сегодня ателье работает только до обеда, приглашает Гельмута вместе с ним опробовать новую пленку.

Они едут на трамвае в центр города. Гельмут на поворотах сжимает коленями штатив, а Гладигау смотрит в окно, выискивая улицу покрасочнее. Стоит погожий осенний день, хрусткий и свежий. Гельмут глядит на свет и тени на стенах проплывающих мимо домов и думает, что при таком хорошем, ярком освещении снимки обязательно выйдут замечательные.

Доехав до центра, они выходят и идут на широкую, увешанную красными флагами улицу. Вот здесь. Гладигау уверен в своем решении, и Гельмуту остается только согласиться. Впервые оказавшись так далеко от дома, на такой большой, живописной улице, он улыбается во весь рот, вертит головой по сторонам. От холодного ветра пальцы ослабли, и он устанавливает камеру дольше обычного. Гладигау оживленно возится с экспонометром. Уходящие к горизонту флаги, как паруса, хлопают над головами, и от яркого света, холода, красок и радости у Гельмута кружится голова.

Из лаборатории слайды возвращаются в картонных рамочках. В пустом ателье Гельмут подносит к окну последний и самый лучший из них. Между большим и указательным пальцем зажата улица, залитая светом. На фоне неба горят свастики, а в алых складках застыл ветер.

* * *

Внимательный просмотр блокнотов подтверждает Гельмутовы подозрения. Вокзал используется все интенсивнее. Складывается впечатление, что вся страна пришла в движение: люди, товары, города. И в то же время Гельмут с ужасом ощущает, что Берлин пустеет. Он не видел ни одного приятеля с тех пор, как пошел работать, и ему кажется, что все они на фронте. Неожиданный поток смертей и отъездов повергает Гельмутову мать в бессильное молчание, и ее настроение передается сыну. Фрау Бине с соседнего этажа потеряла в Польше обоих сыновей и вместе с Эддой, бывшей подругой Гельмута по перрону, уезжает в Бремен. Герр Мас с нижнего этажа уходит на фронт, фрау Мас увозит детей на юг к сестрам. Спустя две недели убит еще один сосед, еще один солдат, и еще один магазин возле ателье Гладигау заколочен досками: владельцы уехали, никого не предупредив.

У Гладигау дела не блестящи. Некоторые постоянные клиенты стали непостоянными, да и разовых заказов почти нет. Для Гладигау работы пока хватает, а вот Гельмут все чаще бездельничает. Он, пока хозяин занят, просматривает книги заказов, выписывает тех, кого не видел больше месяца, а потом, если они опять приходят, вычеркивает их из списка. Каждую неделю в список добавляются новые фамилии. Гельмут обеспокоен. Он решает вести строгий учет прибывающих и уходящих поездов. Следить за передвижениями людей, фиксировать медленный отток жителей из Берлина.

* * *

Вечер, вокзал. Мимо Гельмута с блокнотом быстрым шагом на перрон всходит отряд солдат, внезапная серая волна. Почти все они старше Гельмута, но он с болью отличает каждого молодого солдата, каждое мелькнувшее перед ним юное лицо. Отступает на шаг, три, четыре, прислоняется больным плечом к кафельной стене вокзала. Ему стыдно, что у него нет формы, что он просто стоит здесь, сложа руки. Он утыкается в блокнот, царапает ничего не значащие цифры, названия каких-то городов.

Но вдруг блокнот выхвачен, рука прижата к стене. Гельмут слышит вопросы, но видит только лишь форму, которой у него нет. Из серой солдатской шинели летят громы и молнии, и Гельмут теряется. Пассажиры наблюдают молча, и он думает, что ему, наверное, тоже нужно сохранять спокойствие. Отвернувшись от перекошенного криком лица, Гельмут смотрит на кафель на стене, к которой сначала прислонился сам, а теперь его прижимают силой.

Подходит охранник. Крик стихает. Охранник объясняет военному, что это у Гельмута такое увлечение, и солдат ослабляет хватку.

Гельмут извиняется, толком не зная за что. Военный отпускает его, но блокнота не отдает, и Гельмут не двигается с места, стоит, прижимаясь пылающей щекой к холодному кафелю. Охранник что-то шепчет на ходу солдату, указывая на Гельмута. Солдат останавливается и, обернувшись, медленно и громко объясняет Гельмуту, что его записи могут оказаться опасными, попади они в плохие руки. Пассажиры наблюдают за сценой. Некоторые из них, когда солдат перестает кричать, начинают расходиться, но, равно как и он, по-прежнему не сводят с Гельмута глаз. В образовавшейся тишине тот пытается собраться с духом и пихнуть его, пнуть, треснуть кулаком, но не может. Военный удаляется по перрону с блокнотом в кармане шинели. Охранник мягко похлопывает Гельмута по большой руке, еще не отошедшей от тисков солдатских пальцев. Пассажиры молча, как и наблюдали, рассеиваются. Гельмут переулком возвращается домой, поднимается по лестнице и, пока не поздно, записывает в альбом для вырезок все, что помнит из блокнота.

* * *

Теперь он пробует работать по памяти. Ему не составляет труда фиксировать в уме все прибывающие и уходящие поезда. Он настолько хорошо изучил принцип составления расписаний, что замечает малейшие изменения. Трудность заключается в том, чтобы подсчитать людей. Точных цифр не получить, это ясно, но и приблизительные выкладки без записей невозможны. Тогда Гельмут решает прятать в рукаве клочок бумаги, а в ладони – карандашный огрызок. Он быстро царапает значки, спрятившись за мешками с почтой, или вообще набрасывает кривые столбики цифр, заскочив в туалет в перерыве между поездами. Однако эти наспех записанные данные страдают неточностью. Гельмут мало им доверяет. Судя по цифрам, количество прибывающих в Берлин возрастает. Это можно объяснить тем, что некоторые пассажиры приезжают с других вокзалов или просто в гости, но все равно это противоречит сложившемуся у Гельмута впечатлению, что Берлин пустеет на глазах. У фрау Штиглиц и фрау Дорн мужья и сыновья ушли в армию. Квартиры без них стоят пустые, осиротевшие, потому фрау решают перебраться из города поближе к военным заводам, где есть работа. Юрист, занимавшийся неоплаченными счетами Гладигау, тоже уехал, не оставив нового адреса.

* * *

Первая военная весна. Настал и прошел Гельмутов день рождения: папи с утра ушел на работу, а мутти поцеловала его и испекла пирог. Он больше не ходил на призывной пункт и не получал повесток. Каждый раз, когда отец разбирает утреннюю почту, Гельмута грызет совесть, что ему опять ничего не пришло. Во всех соседних домах сыновья уходят или вот-вот уйдут на фронт. Уходят и отцы, если еще не слишком стары и не заняты на важной работе. Гельмут снова начинает делать зарядку.

Запершись в чулане, он как можно выше поднимает перед собой правую руку – рука доходит почти до уровня плеча. Подойдя к стене, прижимает ладонь. Делает еще шаг, здоровой рукой раз за разом подталкивая больную выше по стене, заставляя ее подняться над плечом. Локтевые и плечевые связки растягиваются, кожа вокруг лопатки горит огнем. Все сопротивляется. Без стены, без помощи здоровой руки он не может поднять правую руку выше плеча. Ему совсем не больно, просто кажется, будто воздух вдруг стал слишком тяжелый.

Во дворе Гельмут набирает в холщовую сумку камней и держит их на вытянутой руке. Каждый день добавляется новый камень, каждый день два, три, четыре раза переворачиваются песочные часы. Но воздух все такой же тяжелый. Все так же не может Гельмут пойти на призывной пункт. Не может посмотреть в глаза отцу.

* * *

Отец приносит вино, у него для домашних сюрприз. Продвижение по службе, большая ответственность, высокая зарплата. После обеда, набивая трубку, он обстоятельно рассказывает жене и сыну новости. Продвижение на восток, говорит он, было стремительным. Гельмут наблюдает за поднимающимся над отцовской головой дымом, вдыхает сизые клубы и слушает, как папи рассказывает о новых рабочих, прибывающих со всех уголков Европы. Перед вступлением в новую должность папи дают неделю отдыха. Гельмут отпрашивается у Гладигау, и они впервые всей семьей едут на побережье.

На пляже Гельмут упорно не снимает рубашку. Самое большое – закатывает штаны и бродит по мелкоте. Он растолстел. Стал мягким и белым. Благодаря тренировкам у него сильная правая рука, а все остальное тело слабое. Вес прибавляется, а грудь не становится крепче. Мышц нет, и жир висит вокруг подмышки досадными морщинистыми складками.

Лето стоит жаркое, и на лбу, у корней волос, на веках и щеках Гельмута блестит пот. Он вечно взмокший, пот мгновенно пропитывает рубашки. Мать стирает их каждый вечер, но запах въедается в волокна и швы, и Гельмут сгорает от стыда.

Гладигау одолжил Гельмуту одну из новых складных камер: как сказал он папи, на время, пока мальчик учится фотографировать. Самому себе, за вечерним шнапсом, Гладигау иногда признается, что Гельмут мог бы стать достойным преемником его скромной империи. При свете дня фантазии улетучиваются, но Гладигау все равно дает Гельмуту камеру и, таким образом, спасает его на отдыхе. Родители много гуляют, а он, мокрый и раскрасневшийся, выбивается из сил, поспевая за ними. Фотоаппарат – отличный предлог остановиться и передохнуть. Он поглощен снимками и ни о чем другом не думает. Выставляет выдержку с экспонометром и без. Пейзажи, трава, ракушки. Он выбирает разные ракурсы, фотографирует спиной к солнцу и старается максимально увеличить глубину резкости.

Гельмут счастлив, отдых удался, родительские опасения о его будущности рассеяны: он может стать фотографом, как Гладигау.

* * *

По возвращении Гельмут узнает, что вокзал собираются перестраивать. Гладигау доволен его отпускными фотографиями и поручает заснять строительные работы на вокзале. Гладигау рассчитывает, что сможет продать эти фотографии как открытки.

Для Гельмута это первое серьезное задание, и, устанавливая штатив на углу напротив вокзальных ворот, он волнуется, ощущая себя в центре внимания. Мимо громыхают трамваи, и ему кажется, что все пассажиры так и смотрят на него. Пешеходы замедляют шаг, прослеживают взглядом, куда направлен его объектив. Гельмут погружается в дело, высчитывает и настраивает выдержку, хмуясь и прищуриваясь, как это обычно делает Гладигау. В левой руке он держит экспонометр, правую, чтобы не мешала, прижимает к бедру.

Из-за волнения он неправильно настраивает выдержку, и первые его профессиональные снимки оказываются недодержанными. Невелика беда, утешает Гладигау своего любимица: недодержать лучше, чем передержать; они смогут увеличить резкость при печати; он покажет ему как. Но Гельмут переживает из-за того, что снимки получились нечеткими, и умоляет своего хозяина дать ему попробовать еще раз. Гладигау тронут его энтузиазмом и разрешает фотографировать по часу два раза в неделю, пока вокзал не будет достроен.

Строительство идет быстро, к середине лета закончили новую платформу и приступили к расширению здания вокзала. Гельмут становится смелее, фотографирует открыто, меняет камеры и пленки. Фотографирует он и на самом вокзале. Поначалу охранник ворчит и поминает того сердитого солдата, но Гельмут заверяет его, что поезда снимать не будет – только людей и строительные работы. Он начинает объяснять охраннику свой замысел, но тот быстро теряет интерес. Гельмут не рассказывает ему всей правды. Кое-что держит при себе. На фотографиях он фиксирует, как расширяется вокзал, но вместе с тем запечатлевает массовые отъезды людей. Метод прост: он запоминает последовательность дневных поездов и отмечает, сколько кадров потрачено на каждый прибывающий или уходящий поезд. Потом считает людей на снимках. Сложные уравнения, которые он решает по ночам у себя в комнате, подтверждают его самые сокровенные подозрения. Берлин медленно пустеет.

* * *

Из соседних домов и улиц все больше людей уходят в армию. В округе много молодых парней, и все готовы умереть за Führer и Vaterland⁴, на службе в ближайшую тысячу лет. Гельмут по-прежнему мнит себя в их числе, спит и видит военную форму, боевую службу, Kamaraden. Но он знает, он знает. Из-за руки, его дефекта, его изъяна, он сидит дома, в то время как остальные, все как один, уходят вперед, в Lebensraum⁵.

Он все больше замыкается, молчит. Гладигау доверяет этому серьезному, спокойному юноше. Он часто уходит на заказы, надолго оставляя свою маленькую студию на попечение Гельмута.

Париж пал, и Führer с триумфом возвращается в Берлин. Родители отправляются в центр, чтобы посмотреть на него, ничего не сказав Гельмуту, оставив его дома. Весь вечер он стоит на вокзале, смотрит, как приливает толпа, перетекает с поезда в трамвай, в центр города. Проходит несколько тихих, безлюдных часов, и оживление, сияющая волна наплывает вновь, растекаясь по окраинам и окрестностям Берлина. Гельмут стоит у ворот, наконец из подъехавшего трамвая выходят мутти и папи и идут к нему. Их лица озарены улыбками, они, как и все

---

⁴ Vaterland – отчество (нем.).

⁵ Lebensraum – жизненное пространство (нем.).

вокруг, выглядят усталыми, но радостными. Взявшись за руки, семейство идет домой: Гельмут посередине, папи по хорошую руку, мутти по плохую.

Он чувствует переполняющую их гордость, но понимает, что сам он к этой гордости не причастен, и старается не замечать взгляда их отсутствующих глаз.

* * *

На Берлин падают первые бомбы. Воздушный налет, новизна происходящего пугают и будоражат Гельмута. Когда глухой, далекий грохот на востоке затихает, небо окрашивается в ярко-оранжевый цвет. Гельмутова кровать дребезжит, но куда тише, чем от громыхания проходящих поездов. Его будят родители. На горизонте полыхает Берлин, Гельмуту из окна спальни хорошо виден пожар. Мутти и папи сидят с ним на кровати и смотрят. Мутти спрашивает, не страшно ли ему, но Гельмут мотает головой, ему приятно быть в тихой компании, холодной пяткой ощущать тепло отцовской ноги.

* * *

Гладигау недоволен, что Гельмут тратит столько пленки на съемку вокзала. Сосредоточься на строительных работах, говорит он ему, и не снимай так много людей. Тогда Гельмут начинает подворовывать запасные катушки и берет с собой не одну, а две камеры. На улице холодают, Гельмут снова носит старое пальто. В задней комнате, перед зеркалом, он проверяет, будет ли видна под пальто вторая камера, если поместить ее с правого бока. Кривая рука скрывает слегка выпирающий объектив. Чтобы рука не болталась, ему приходится напрягать плечо сильнее обычновенного. Но, упражняясь в задней комнате и в переулке по дороге домой, он научился правильно держать руку и нормально ходить.

Строительство заканчивается в самом конце зимы, холодным серым днем. Немногочисленные магазины, и ателье Гладигау в том числе, украшены по случаю грядущего грандиозного открытия. С двух пустых магазинов отрывают доски, заново вставляют стекла и оформляют витрины. Вместе с другими подмастерьями Гельмут посвящает целый день тому, чтобы придать фальшивым витринам достойный вид. Все те месяцы, что прошли с момента исчезновения их владельцев, магазинами никто не занимался. Гельмуту не по душе темные и сырье помещения, надписи на стенах, скрежет битого стекла под ногами. Но он терпит, потому что Гладигау поручил ему первое ответственное дело: заснять открытие.

Свет не столь эффектный, как в тот день, когда они фотографировали флаги на центральной улице. Но для этого времени года день выдался солнечный, и Гельмут уверенно выбирает ракурсы и выдержку. Приезжают сановники, произносят бодрые речи, а Гельмут отыскивает в середине толпы отличное место и запечатлевает открытие новых вокзальных ворот.

Получившиеся фотографии действительно хороши; и Гельмут, и Гладигау ими довольны. Фасад вокзала, в действительности квадратный и примитивный, на снимках Гельмута кажется даже изящным, впитавшим энергию ликующей, расцвеченной флагами толпы. Начальник вокзала заказывает из них открытки, которые будут продаваться в вокзальном киоске. Гладигау получает процент с продаж, Гельмуту достается скромная прибавка к зарплате и перспектива новых заданий. На его день рождения Гладигау дарит ему складную камеру, а родители – пленку и реактивы, купленные без наценки у Гладигау. Гельмуту отводится собственная полка в темной комнате, в шкафу с фотопринадлежностями. В привокзальном кафе все четверо зака-

зывают мороженое и едят за славное будущее Гельмута дробленые орешки и взбитые сливки, дорожающие каждую неделю.

Общество за столом утомляет непривычного к разговорам Гельмута, и, заполучив свою порцию, он вообще ограничивается односложными репликами. Поведение Гельмута не удивляет Гладигау, они с учеником часто работают в тишине. Но родители смущены видом и дурными, как им кажется, манерами сына; мать – его неумением вести себя за столом, отец – жадностью до еды и отвисшими щеками.

Гладигау хочет сфотографировать праздничное застолье. Устанавливает камеру, дает указания официанту и располагается по правую руку от Гельмута; мать с отцом сидят по левую. Вешая портрет на свободное место на стене, мутти вдруг понимает, что это первая семейная фотография, на которой Гельмут оказался не между родителями. Гладигау выглядит веселым, папи – немного уставшим и серьезным, а самой себе она кажется робкой. Чуточку смущенной, что ли. Гельмут так и держит ложку в руке, и салфетку из-за воротника не убрал. Трудно сказать наверняка, мешают мягкие круглые щеки, но что-то в лице сына говорит мутти, что он еще не проглотил последний кусочек своего мороженого.

* * *

С начала войны не прошло и двух лет, но она прочно вошла в повседневную жизнь. Люди приучились экономно питаться; расточительство порицается; любые запасы должны идти на общее благо. На семейных портретах, которые вставляет в рамки и упаковывает Гельмут, женщины часто одеты в черное. На свадебных фотографиях жених почти всегда в форме. Приносят новорожденных, чтобы послать снимок отцу на фронт. Приходят солдаты, чтобы оставить карточку на память матери, сестре, возлюбленной.

* * *

Гельмут много ходит по Берлину, исполняя поручения Гладигау. Он по-прежнему ежедневно бывает на вокзале, считает там поезда и следит за расписанием, но еще в свободное время он берет камеру и выбирается в город.

Поздней весной 1941 года дни стоят холодные и чаще всего хмурые. Не лучшая погода для фотографа, но Гельмуту не терпится достичь совершенства. На отложенные из зарплаты деньги он каждую неделю покупает катушку пленки. У него большой обеденный перерыв, а иногда, если все сделано, Гладигау и вовсе отпускает его на полдня. По воскресеньям Гельмут под руководством Гладигау печатает в темной комнате свои заветные фотографии. Скромные опыты, ряды за рядами, на остатках бумаги, обрывках да обрезках.

Почти на всех снимках изображены люди, много людей. Гельмута притягивает толпа, оживленные улицы, ему нравится схватывать толчею, движение. Щурясь и кивая головой, Гладигау с восхищением разглядывает снимки Гельмута, развешанные на веревках в темной комнате для просушки. Вот он, Берлин, говорит Гладигау. Вот она, жизнь. Фотографии поражают его чувством движения. Откашлявшись, он говорит Гельмуту, что у того глаз настоящего фотографа.

Эта ревнивая похвала сказана от сердца, но через силу. Гладигау вдруг становится душно в пропахшей реактивами темноте. Его помощник, однако, никак не реагирует на лестные слова: молча стоит рядом, хмурится и обводит фотографии критическим взглядом неярких глаз.

Позже, когда Гладигау ушел и с уборкой было покончено, Гельмут раскладывает просохшие отпечатки на большом столе и еще раз их просматривает. Рядом лежит новый блокнот, начатый шесть недель назад и уже почти полностью исписанный его неразборчивым почерком.

Теперь Гельмут воплощает свой замысел не на вокзале, а в городе: он не просто так фотографирует, а систематизирует, фиксирует, подсчитывает. Безлюдные улицы заносятся в одну колонку; улицы, на которых встретилось от одного до десяти человек, – в другую; от одиннадцати до двадцати – в третью; а если на улице оказывается более двадцати человек, то такую улицу Гельмут фотографирует, а потом считает людей по снимку.

С каждой неделей колонка пустых улиц удлиняется, а колонка улиц оживленных делается короче. С каждой новой вылазкой в городе все сложнее найти и заснять скопления людей, зато теперь на оживленную улицу можно расходовать больше времени и пленки. Фотографии уже не просто документальные свидетельства: композиция, деталь, содержание снимка приобретают особую важность. Гельмут целиком переключается с блокнотов, кажущихся ему теперь словесными и странными, на фотографии.

Вот он, Берлин, говорит Гельмут, кладя руку на блокнот. Но глаза его прикованы к снимкам. На снимках очереди у магазинов и вездесущие люди в военной форме – идет война. Но сегодня он взглянул на фотографии глазами Гладигау. Обыкновенный большой город. Оживленный и многолюдный. Он с удовольствием смотрит на снимки, как смотрел бы Гладигау: лица, руки, ноги, много голов и много шляп. Блокноты врут, думает он и радуется этой мысли. Он снова чувствует себя в родном городе в безопасности. Это его Берлин, его дом.

* * *

К середине лета Гельмут обзаводится солидным портфолио. Однажды утром, прия на работу, он обнаруживает, что его виды Берлина разложены на широком столе у дальней стены, а над ними стоит улыбающийся Гладигау. Хозяин тщательно разобрал бумажные обрывки, отобрал лучшие снимки, а остальные скомпоновал в хронологическом порядке. Обняв Гельмута за плечи, он ведет его вдоль стола, наглядным образом демонстрируя неуклонно растущее мастерство своего протеже. С каждой неделей все лучше и лучше. В тот день они так и не открывают ателье, проговорив все утро напролет. И Гладигау, и Гельмута переполняет гордость. Особенно приятно Гельмуту становится тогда, когда Гладигау, выбрав лучшую фотографию, просит сделать с нее новый отпечаток специально для витрины.

* * *

Гельмут, воодушевленный похвалой, думает теперь о глубине резкости своих кадров, переднем плане и заднем плане; меньше проверяет фокусировку; полагается больше не на приборы, а на глазомер. Он экспериментирует, пытается, увеличивая выдержку, передать повседневную суету, размытые, вечно спешащие фигуры. В следующие несколько недель Гельмут фотографирует с самых разных ракурсов и точек. К сентябрю остались позади пустяки вроде крыш домов и поваленных фонарных столбов, перерос он и съемку сквозь стекла движущихся трамваев.

Упоительное осенне утро, Гладигау фотографирует свадьбу. Уходя, вкладывает в руку Гельмуту катушку. Говорит: у тебя есть час-другой. Отсними ее целиком. Стыдно потерять такой день.

Гельмута, как магнитом, тянет к людям: на рынки, школьные площадки, оживленные торговые улицы. Как привязанный, следует Гельмут за толпой. Сделает один-два кадра и идет дальше; ателье забыто, чудесный свет увлекает его вперед и вперед. Он долго блуждает по глухим, почти безлюдным улицам, потом вдруг слышит чьи-то голоса и идет на звук. Ныряет в переулки между домами и оказывается на пустыре, откуда и доносятся голоса.

Грузовики, вокруг них люди в форме; они кричат, толкаются. Сто, может, сто пятьдесят человек: кто мечется, кто куда-то идет, кто стоит неподвижно. Гельмут прячется за невысокой стеной и начинает фотографировать. Объектив ловит валяющиеся в беспорядке вещи: одежду, кастрюли, коробки, мешки, раскиданные прямо на голой земле. Рядом с джипом какой-то офицер выкрикивает приказы, и от его пронзительного резкого голоса Гельмут за стеной пригибается еще ниже. Вытирает потные ладони о брюки, пальцы не слушаются; ставит камеру на кирпичи и быстро оглядывается.

Он здесь не единственный зритель. На той стороне пустыря перед подъездом стоят люди. Они гораздо ближе его к происходящему, но как пробраться сквозь толпу? Приказы раздаются громче, заводится мотор. Гельмут тянется за камерой, ему страшно, но больше всего он боится упустить кадры.

Там делят на группы цыган и заталкивают в грузовики. Блестя золотыми зубами, цыгане переругиваются с людьми в форме. Плачущие дети жмутся к матерям и прячутся за их широкие яркие юбки. Девушки кусают за руки солдат, выдергивающих у них из ушей и волос драгоценности. Мужчины отвечают на удар ударом, но снова получают пинки. Женщины отталкивают хватающие их руки и убегают, но недалеко. Вскоре, уже без сознания, они оказываются в грузовике вместе с остальной своей родней.

Гельмут напуган и взвинчен. Руки потеют и дрожат. Он щелкает, взводит рычаг и снова фотографирует – так быстро, как только позволяет камера, и все-таки медленно. Кляня собственные пальцы, немощные и влажные, он меняет пленку, судорожно наводит на резкость.

Видоискатель ловит глаза какого-то цыгана, тот кричит, тычет в его сторону пальцем. Взгляды обращаются к Гельмуту. Он видит испуганные сердитые лица в платках, шляпах, фуражках, обращенные к нему взгляды. Его сердце сжимается. Вспомнив того солдата на вокзале, он закрывает лицо руками. Слышит, как ему кричат: «Стой, вставай!» Но может только развернуться и пуститься наутек.

Камера бьет в грудь, звякает объективом о ребра, ремнем тянет шею, а Гельмут, петляя, несется подальше от сердитых глаз и голосов. Дорога вся разбита. Угодив ногой в канаву, Гельмут оступается и, выставив правое плечо вперед, летит на каменную землю – одна рука молотит по воздуху, другая висит немощно, мертвенно, грузно. И – камера в вытянутой руке, чтобы не разбить.

Падение стремительно, как порез бритвой: тот же всполох испуга, сменяющийся болью. Он вскакивает на ноги и снова бежит, не смея оглянуться. Обратно по почти безлюдным пере-

улкам, по глухим улочкам, через рыночную площадь. Быстрее в ателье Гладигау, остановиться хоть на секунду, подождать трамвая – страшно.

Под ногами мелькают булыжники, мимо проносятся стены, окна. От страха его рвет, все тело дрожит и сотрясается. Он тужится, кашляет, хватает ртом воздух. Никто не кричит, не гонится, но Гельмуту чудятся тычущие в него пальцы, визжащие, толкающиеся люди, и ужас снова гонит его вперед. Быстрой к родному дому, вокзал позади, теперь переулок, рука мотается из стороны в сторону, при каждом тяжелом шаге камера под пальто колотит в жирный мягкий живот.

Вот и ателье, стучать не нужно, не нужно отзываться. Только камеры, рамки, темная комната, касса. Безопасно, привычно и покойно. Пот, подсыхая, холодит ноги и спину, а на пальто и подбородке хлопьями застывает рвота. До прихода Гладигау Гельмут тихо, не шевелясь, сидит за прилавком. Подошедший хозяин в полутьме ворчит, что у Гельмута с самого обеда висит табличка «Закрыто».

Молча они работают до глубокого вечера; разряжают и чистят камеры, проявляют и печатают пленки. Плечо у Гельмута болит, но руки уже не трясутся. Он проявил свои снимки, но не хочет печатать их при Гладигау. Выпив с ним на пару стакан шнапса, хозяин уходит, а Гельмут остается в ателье, до ночи печатая и перепечатывая снимки.

* * *

Поначалу он может только плакать. Это слезы гнева: ужас сегодняшнего дня сменяется злостью. Злостью на фотографии, на себя, на то, что не удалось заснять увиденное.

Потом он берет себя в руки. Зажигает свет, раскладывает фотографии на полу в темной комнате. Снова наклоняется к ним, представляя, что Гладигау, положив руку ему на плечо, тоже смотрит и комментирует снимки.

Гельмут помнит увиденное, но, глядя на фотографии глазами Гладигау, понимает, что изображение нечеткое. Если судить по этим снимкам, то получается просто, что на каком-то пустыре толкуются какие-то люди. Фотографии не передают тот хаос и ту жестокость, из-за которых тряслись и потели руки, из-за которых он отщелкал почти две кассеты.

Гельмут утешает себя: он не привык фотографировать в таком бешеном темпе. Оживленные улицы, открытие вокзала – все это ему удается потому, что он не спешит, тщательно выбирает место съемки и много раз фотографирует одно и то же. А еще очевидно, что для подобных снимков черно-белая пленка не подходит. На фотографиях разноцветные юбки цыганок выглядят бурьими тряпками, не летят, не развеваются, как тогда днем. Темная эсэсовская форма сливаются с угольно-черными зданиями, и ее владельцев почти не видно. Гельмут знает: было слишком далеко, тут уже не до деталей. Он пробует увеличить изображение, но от большого растра сердитые складки на лице того офицера возле джипа сглаживаются, и становится непонятно, что он на самом деле кричит. Гельмут вспоминает, как плакала толпа, как окликала людей в грузовиках, а те тоже плакали и кричали в ответ. А на фотографии люди неподвижны, безмолвны и спокойны до странности, и тянущаяся из окна грузовика рука кажется просто пятнышком на пленке, он и руку-то в нем узнал, лишь рассмотрев негатив под увеличительным стеклом. По женщине – той, которую ударили и она потеряла сознание, – не скажешь, что она убегает, пытается скрыться, к тому же в кадр не попал кинувшийся за ней солдат –

слишком Гельмут спешил сделать снимок. Когда ее волокли к машинам, он, наверное, перезаражал пленку, а вот снимок, где она лежит в грузовике, вышел настолько плохо, что ничего не разобрать.

Он ищет и ищет, но кадра с цыганом, который смотрит прямо в объектив, тычет пальцем и кричит, – так напугавшего его кадра – среди фотографий нет. Нет и среди неразрезанных негативов. Ничего не понимая и опять разозлившись, он швыряет мотки пленки на пол, потом поднимает и просматривает в третий, четвертый раз. Снова берет себя в руки. Пленка закончилась, а он и не знал. Перепугался. Побежал, даже снимка не сделал. Трус.

Гельмут запихивает фотографии и негативы в бумажный пакет; плевать, что они сомнутся, поцарапаются, лишь бы скорее домой. Он знает, что снимки нужно показать Гладигаю, отчитаться за день, но ему стыдно. Некоторое время он стоит с пакетом в руках и наконец решается. Ошибка при проявке. Он солжет: скажет, что пленка покрылась вуалью. Расплатится за нее из жалованья, а вместо этих фотографий сделает другие, в другой раз.

В темном дворе возле дома Гельмут выбрасывает пакет и его ненавистное содержимое в мусорный бак.

* * *

Армия одерживает победы. Одну за другой: Польша уже позади, курс на юг и дальше на восток. Даешь украинский чернозем, каспийскую нефть, степные просторы!

У Гладигау появляется радиоприемник, и теперь они с Гельмутом проявляют, печатают, промывают пленки под бравурные звуки. В красном свете темной комнаты, не отрывая глаз от работы, Гельмут, как и его хозяин, улыбается, слыша новости, громкие голоса, высокопарные фразы и барабанную дробь. Но в одиночестве никогда не включает радио.

Всю весну и лето Гельмут снимает. Он экспериментирует, исправляет, доводит снимки до совершенства. Радует хозяина, радуется его похвалам, да и сам видит, как на глазах улучшаются фотографии.

Дома он встает из-за стола, едва пустеет тарелка. Родители иногда уходят – в гости к соседям или на собрания, но чаще всего проводят вечера дома: мутти вяжет, папи курит и вслух читает газету или издаваемый партией журнал. Когда вечернеет, Гельмут забирается в кровать и, пока не уснет, сквозь незашторенное окно смотрит, как на город опускается ночь. За закрытой дверью Гельмуту не слышны слова, только резкие, упрямые нотки в отцовском голосе. Он отмеряет время по проходящим поездам, знакомый перестук колес навевает дремоту, и когда мутти заносит еще одно одеяло, он обычно спит. Утром Гельмут встает рано, часто до рассвета. У кухонного окна, спиной к комнате, глотает завтрак. Только бы не встречаться глазами с отцом, не слышать родительских разговоров, не вскидывать в ответном салюте руку, здороваясь с соседями на лестнице.

С Гладигау он чувствует себя в безопасности. Даже когда родители вдруг переходят на шепот, а соседи отвечают на его молчание сердитыми взглядами. Даже когда осень становится совсем холодной, а слово «Сталинград» произносят уже не с гордостью, а со сдавленным, недовolenным страхом. Даже в те долгие, странные месяцы Гельмут радуется уединению с Гладигау и голосам из радиоприемника. Уверенность в победе, уютный, привычный уклад.

Год сменяется другим, и в глухую зимнюю пору все меняет капитуляция.

* * *

Настает весна, и Гельмут, видя, как люди открыто уезжают из города, не удивляется – он с самого начала это предчувствовал. Его поражают масштабы: то не тихая струйка льется, а хлещет поток; на вокзале толпы, и с каждым днем отбывает все больше знакомых. За обедом мутти передает приветы от уехавших друзей, и папи коротко кивает, говорит: правильно сделали, женщины и дети должны быть в безопасном месте, а те, кто остался, пусть мужаются. Из окрестных домов постепенно уезжают все ребятишки, и летом во дворе непривычно тихо. Не дожидаясь, когда и впрямь начнутся бомбежки, едут молодые семьи, и однажды сумрачным осенним утром Гладигау вычитывает в газете, что город покинуло свыше миллиона жителей.

Люди по-разному относятся к отъезду. Фотографируя, Гельмут прислушивается к разговорам на перроне, на пустеющих торговых улицах. Некоторые яростно клянутся в преданности Берлину, и Гельмут с удовольствием внимает их красноречию. Другие боятся за свою жизнь, за будущее детей: эти говорят скучно и тихо, высматривают собеседников, шепотом сулят ужасы и беды. *Уезжайте, слышит Гельмут урывками. Скорее уезжайте из столицы, из Рура тоже, подальше от больших городов.* Когда он проходит мимо, они на мгновение умолкают. *Вся Германия – мишень. И для англичан с американцами тоже.* Гельмут выуживает из них невнятного бормотка названия городов, которые бомбят или вот-вот начнут бомбить. *Ахен, Крефельд, Дуйсбург, Оберхаузен. Рёгенсбург, Дортмунд, Гельзенкирхен, Мюльхайм. Ессен, Вупперталь, Йена, Мюнстер. Кельн, Киль, Росток, Кассель.* Прижимая побелевший палец к губам, люди шепчут: в Гамбурге смерть, пожар и бомбежки. Закрывая глаза, выдыхают свои страхи. *Все пропало, доносится до Гельмута. Дальше будет еще хуже.* Он не верит им. *Лейпциг или Дрезден.* Они заблуждаются. *Бомбардировщики летят на Берлин.*

* * *

От герра Фридриха, постоянного клиента, Гладигау возвращается поздно. Заходит в темную комнату, где Гельмут смешил для раствора реактивы, и опускается на высокий табурет. Какое-то время наблюдает за работой своего помощника; Гельмут от его взгляда конфузится и робеет, проливает раствор на стол, и приходится отмерять все заново. Ему становится легче, когда Гладигау наконец нарушает молчание.

Сыновья герра Фридриха погибли в России в начале этого года. Гладигау знал обоих, в объектив своей камеры наблюдал, как они растут. Теперь из Берлина вместе с внуками уехала приемная дочь Фридриха. Пока они в Мекленбурге, но скоро, наверное, будут в Шварцвальде. В любом случае Фридрих поедет к ним. Гладигау рассказывает все это и как бы между делом говорит, что к зиме надо закрывать ателье. Дела идут плохо. У тех клиентов, что еще остались в Берлине, сейчас другие заботы. Пока Гладигау рассуждает вслух, Гельмут вытирает столы, чтобы приступить к печати. Конечно, как только дела пойдут в гору, Гельмут сможет вернуться на прежнее место, да и разве отец не собирается на время отправить их с матерью куда-нибудь в более безопасное место?

Гельмут отрывается от работы и смотрит прямо в лицо хозяину. От этого взгляда в упор Гладигау теряет дар речи, а оскорбленный, сгорающий от стыда Гельмут не отводит глаз, не в силах поверить, что хозяин счел его трусом. Он ведь не ребенок, не женщина. Он не просит

защиты и не нуждается в ней. Гельмут тоже оскорбляет Гладигау – спрашивает, верен ли тот Führer'у; и, не говоря больше ни слова, при свете красной лампы они печатают отснятое за день и вдыхают запах серы.

* * *

Когда начинается второй воздушный налет, Гельмут спит.

В тот вечер родители куда-то уходят. Мутти забегает поцеловать его на прощание, но куда они идут, они не говорят, а Гельмут не спрашивает. В полуоткрытую дверь спальни виден отец, которому не терпится уйти – одной ногой он уже на лестнице. Едва мать выходит из комнаты, Гельмут, невзирая на ранний час, гасит свет.

Пару часов он дремлет, потом просыпается и лежит, пытаясь расслышать громыхание товарняков и вновь погрузиться в сон. Но взамен улавливает слабый, зарождающийся звук, ему незнакомый. Услышав этот звук – далекий, монотонный, – уже нельзя от него избавиться. Гадая, что это за низкий гул, Гельмут лежит не шевелясь, а в небе над Берлином сотни «Ланкастеров» несут свой смертоносный груз.

Завыла сирена, и через мгновение дом оживает. Матери сгребают в охапку детей, старики натягивают теплые носки. На площадке полно людей. Гельмуту слышно, как они бегут в подвал: резкие голоса, быстрый топот ног. Он знает, что нужно пойти с ними, но ему претят их страх и суeta, и он остается в постели. Он вспоминает, как описывали зажигательные бомбы: будто с неба падают рождественские елки, освещая цель для бомбардировщиков. Но в окне пока ничего не видно: сверху – черное небо, снизу – темный Берлин. В дверь стучит старший по дому, но Гельмут слышит, как гремят на лестнице сапоги Flackhelfer'а⁶, и не отзывается. Мальчишке всего четырнадцать, а он вовсю помогает зенитчикам на крышах. Теперь колотят в дверь и кричат уже двое, но Гельмут не собирается терпеть приказы четырнадцатилетнего юнца. Он подтыкает в ногах одеяло и, только убедившись, что старший по дому и мальчишка ушли, надевает ботинки и пальто и выбирается на лестницу.

Теперь сквозь сирену проступает гул. Нарастает, переходит в рев. Недолго постояв, Гельмут осторожно, сжимая в кармане камеру, начинает спускаться по пустой лестнице.

Первые разрывы застают его на третьем этаже. Бомбы падают не очень близко, но взрывной волной хлещет по ногам. Дом содрогается, и Гельмут теряет равновесие. С потолка сыпется мусор и куски штукатурки, и Гельмут мысленно представляет, как во всех квартирах распахиваются на кухнях буфеты, вываливая содержимое на пол, и тысячи горшков и кастрюль лавиной катятся на него по лестнице.

Ужас, боль. Все вокруг теперь мчится так быстро, что Гельмут не успевает. Он бежит, но не в подвал. Ноги сами выносят его на улицу. В соседних районах занимаются первые пожары, и Гельмут бежит прочь от жары и света. Но не успевает. Не успевает, потому что бомбардировщики совсем рядом. Рев. Прямо над головой. Огромные, они планируют над домами, пугающие низко летят над стриженою непокрытой Гельмутовой головой.

---

⁶ Flackhelfer – помощник (нем.).

Он бежит от них, петляя по черным, как колодцы, улицам, из груди рвется крик, он ощущает его, но слышит лишь рев огня, бомб и самолетов.

Откуда-то из глубины земли накатывают взрывные волны, хлещут по бедрам, по позвоночнику. С неба падает черепица, кирпичи, стекла, и Гельмут несется наугад; в ушах, застилая взгляд, сухо трещат зенитки. Он ослеп, но не выдохся. Горло дерет, лицо мокрое, он бежит в темноте, а вокруг дрожат улицы, шатаются здания, и шаги ухают, как бомбы.

Навстречу кто-то бежит, надвигается черной тенью. Ухватив Гельмута за пальто, мужчина сыплет ругательствами, дышит в ухо. Оттаскивает его в сторону, толкает наземь. Бомба. Две руки. Держат крепко. Тащат визжащего, извивающегося Гельмута под землю. Темноту снаружи сменяет такая же оглушительная темнота внутри.

Вместе с незнакомыми людьми он сидит в подвале до конца налета. Все молчат и не двигаются, а он лежит на полу и плачет. Его трясет от перевозбуждения, неудержимо бьет судорогой, от людских взглядов страшно и стыдно.

Когда гул замирает, становится холодно. Мужчина, который приволок Гельмута сюда, говорит, что это хорошо. По крайней мере, до этой части Берлина пожар не дошел. Снова молчание. Возня в темноте. Глаза мокрые.

Гельмут уходит из подвала не попрощавшись. Далеко его занесло, до дома километра четыре-пять. Где он, Гельмут не знает, да и вокруг все изменилось. Кирпичи там, где их не было, вместо стен – провалы. Гельмут ощупью пробирается по первой улице, сворачивает за угол, идет дальше, прокладывая путь между кресел, стекол, оконных рам, пустых развороченных кроватей. Прягает с камня на камень, стремясь туда, где должен быть дом. Найти обратную дорогу нелегко. На безлюдных улицах стоит мертвая тишина. Глаза привыкли к темноте, но от тревожного безмолвия кружится голова и тошнота подступает к горлу. Шаги Гельмута громким эхом отражаются от стен домов, и от воспоминаний о минувшей ночи, проведенной в подвале, о тех людях, холодаеет внутри.

Начинают показываться люди – карликовые, серые тени на черных стенах домов. Они прибывают и призывают, запруживая улицы. Люди бегут прочь от разгромленных зданий, потерянно и слепо тычутся в темноте, среди непонятных каменных нагромождений. Небо горит отблесками пожаров, и чем ближе подходит Гельмут к дому, тем на улицах светлее. Звоня в колокольчики, пожарные машины пробираются сквозь толпы растерянных людей в разорванной и обгоревшей одежде; многие из них ходят по развалинам босиком. Куда бы Гельмут ни свернулся, всюду слышен детский плач. Теперь в пальто и пижаме Гельмут истекает потом; щурясь от горячего воздуха и копоти, он думает: в Берлине опять стало много людей. Детей много.

Дом на месте, но охвачен огнем. Час или около того Гельмут наблюдает за работой пожарных и ждет. Ни мутти, ни папи. Покалывают щеки, мочки ушей, горло от жары воспалилось и зудит. Из знакомых – никого.

Он ждет уже бог знает сколько времени, а родителей все нет. Не решаясь подойти и спросить, он стоит как вкопанный, смотрит на бывший свой дом и только отходит в сторону, когда его толкают. Во двор – посмотреть, не горит ли его спальня, – Гельмута непускают, и тогда он идет в ателье к Гладигау.

Во всех магазинах разбиты витрины, а из зеленной на углу с полными руками бегут люди, и карманы у них оттопыриваются. У Гладигау все вверх дном, электричества нет, поэтому первым делом Гельмут отыскивает свечи и как можно лучше загораживает витрину деревяшками и кусками картона. Судя по рассыпанному на полу, пропало немного. Из витрины исчезла стационарная камера, но она давно уже не работала, и еще пропали почти все рамки. Ворам не удалось взломать массивную дверь в темную комнату, хоть и били по ней хорошим креслом Гладигау. Кресло разлетелось в щепки, а на двери и вмятины не осталось. Нашарив в кармане ключи и открыв темную комнату, Гельмут из старых журналов и белого лабораторного халата Гладигау сооружает себе постель. Задувает свечи и укладывается на американок из своих подростковых фантазий, без снов засыпая на их смятых бедрах и маленьких грудях. В темной комнате черно и тихо, как в колодце, и назавтра Гельмут просыпается только к обеду.

* * *

К удивлению Гельмута, Гладигау не приходит открывать ателье, как обычно. От одежды воняет дымом, лицо воспалилось. Напившись из крана в темной комнате, Гельмут в плотно застегнутом пальто поверх пижамы выходит на улицу. А там люди несут узлы, толкают полные тележки с пожитками. Здание вокзала повреждено, но пути не задеты. Люди стягиваются на платформы, ждут поезда, чтобы ехать из города. Гельмут присматривается, прислушивается, но знакомых не видно.

Мокрые дымящиеся остовы домов еще не остыли, дышат на него теплом, из уцелевших стен сочится дым, а его опустевший дом истекает черной влагой. Гельмут плачет. Кругом тоже плачут, но ему все равно стыдно. Слезы бегут из глаз, обжигая воспаленную кожу, он закрывает лицо руками, смотрит сквозь перепачканные пальцы. Мутти нет, папи нет, Гельмут совсем один.

Они не должны застать его плачущим, ведь он храбрый. Гельмут пытается остановить слезы, но они текут, катятся по щекам, горчат на языке. Гельмут ждет, высматривает родителей, бродит вокруг и снова возвращается к ателье, вокзалу, к пустому месту, где был его дом. Среди плывущих мимо лиц ищет мамину лицо; увидев отца, быстро смахивает малодушные слезы. Вытирает глаза рукавом, выпрямляет спину, оборачивается, но лицо исчезло. Сменилось другим, следующим. Седые бороды, усталые глаза, впавшие щеки. Но это все не папи.

* * *

Ближе к вечеру Гельмут снова приходит к дому Гладигау. Здесь здания не пострадали. Респектабельные дома из светлого камня, куда выше домов в его родном районе, выстроены четкими, прямыми рядами. Огромная гладь оконных стекол и белоснежные занавески ошеломляют Гельмута. Там, где он живет, все разбито и разрушено, пропитано дымом, копотью, пылью. А на лестнице у Гладигау сухо и прохладно, поблескивают старые деревянные перила, из слухового окошка льется мягкий свет. Переведя дух, Гельмут стучится в дверь. Не уходит до самого вечера, на тот случай, если Гладигау вернется, но никто не входит и не выходит из дома, не слышно кухонных запахов, ни радио, ни шагов в прихожей, ни детского плача.

В полночь Гельмут идет обратно, одинаково страшась тишины и нового налета, и снова ночует один на полу в темной комнате. Тьма кругом колодезная: что закрыть глаза, что открыть – все едино. В полусне-полуяви Гельмут пробирается по развалинам домов и видит родителей,

протягивающих к нему руки. Он рвется навстречу, делает шаг вперед – стены рушатся, родителей снова нет.

Снится Гельмуту: щелкнул затвор и посыпались линзы. Разбитое стекло, осколки портрета, снимки, схваченные краешком глаза. Отцовы пальцы, мамины глаза и руки; Гельмут тянется к ним, негативы в руках мнутся, покрывая ладони блестящей черной пылью.

Гельмут в изнеможении мечется на полу и вдруг натыкается на дверь. Снова наступило утро; при свете Гельмут успокаивается и засыпает под прилавком брошенного ателье.

* * *

Дни идут безмолвные, холодные. На развороченных трамвайных путях открыт пункт раздачи питания и теплой одежды – новых сапог, пальто. Отстирав под краном в темной комнате копоть и пот с пижамы, Гельмут наводит в ателье порядок и, чтобы уберечься от воров, запирает все ценное в темной комнате. Гроссбухи, кассовый аппарат, книги заказов, уцелевшие рамки. Гельмут закрывает ателье, повесив на двери кусок картона с выведенными углем извилинами. Уголь мокнет и размазывается под осенним дождем.

Той зимой он не фотографирует. Камера, пленки, реактивы, бумага надежно спрятаны в темной комнате. Гельмута согревает мысль об этом единственном оставшемся у него среди потерян достоянии. Тоскливо. Неделя за неделей проходят в ледяном одиночестве. Сирены, бомбы, пожары и голод. Видя, как из завалов вытаскивают трупы, Гельмут убегает прочь. Во сне мысли путаются, и, проснувшись, он думает, что с ним рядом снова будет мутти, привычная жизнь, Гладигау, тепло, зажженная отцова трубка. И каждое утро, закрывая лицо руками, плачет.

Сырое дыхание, влажные щеки и ладони, потоки слез.

Днем все снова обретает смысл. Гельмут проверяет, что изменилось в городе. Улицы перегорожены, не хватает многих домов. Там, где некогда жили люди, теперь кратеры и горы. Гельмут чувствует разницу между «тогда» и «теперь»: облик города меняется еженощно, и эти перемены становятся неотделимой частью каждого нового дня. Гельмут смотрит на жителей, которые чертят мелом на выстоявших стенах названия улиц и магазинов и продолжают ходить по дорогам, невзирая на препятствия. Медленно пробираются через завалы, подворачивая ноги, поскользываясь, проваливаясь по колено в ямы. И все-таки идут.

Проложены новые дорожки, прежнее осталось позади. После разгрома булочной хлеб продают прямо с машины.

* * *

Не желая уходить далеко от родных улиц, Гельмут подыскивает для ночлега подвал. Место, похоже, безопасное: в глубине маленького дворика, среди пустующих, разрушенных домов. Возле лестницы, ведущей в подвал, Гельмут устанавливает на кирпичах печку, подобранную на развалинах. Снимает с темной комнаты массивный засов и надежно запирает свое жилище.

По ночам, когда падают бомбы, Гельмут лежит без сна и слушает. Если взрывы раздаются близко, он кричит прямо в этот грохот – как в ту ночь, когда он убегал от самолетов. Крик обжигает горло. Ничего, кроме взрывов, не слышно, воздух нашпигован бомбардировщиками и зенитками. От страха Гельмута бросает в жар, а потом – от пота – в холод; на рассвете он разжигает печку и в тихом утреннем свете засыпает. А если бомбы взрываются далеко, удары и рев почти убаюкивают Гельмута, подобно товарнякам, под которые он засыпал подростком.

Лучше этот далекий шум, чем тишина. В безмолвные ночи на Гельмута наваливаются сны, те же, что мучили его в темной комнате, только теперь усугубленные голодом и стужей. Разбитые окна затянуты сверкающей коркой льда, и в ней отражаются мутти и отец, положивший руку ей на плечо. Лед тает, видение от теплого дыхания проступает четче – и снова затуманивается. Рассеивается, смазывается от прикосновения пальцев. Исчезает.

Дни без дела и фотографии кажутся пустыми и долгими, а от голода часы тянутся еще дольше. Гельмут пробует спать, но кошмары гонят его из подвала на улицу, а закоченевшие ноги приносят на вокзал. Там теперь новый охранник, и Гельмут постепенно заводит с ним знакомство, беседует о поездах, как когда-то, мальчишкой, беседовал с прежним охранником. Этому постовому Гельмут не по душе. Настырный, рука скрюченная, пальто грязное. Но когда Гельмут показывает на развалины своего дома, охранник проникается жалостью, вдумчивее слушает ипускает Гельмута на платформу посмотреть на поезда. Иногда в студеные дни он выносит этому странному парню, торчащему возле путей, кружку жидкого супа. Расспрашивает о родных и понимающе кивает, когда Гельмут повествует о работающем папи, преданной мутти и их послушном единственном сыне. Излагая свою историю, Гельмут смотрит на приходящие и отбывающие поезда, голос его течет ровно, он пьет суп, но избегает смотреть на охранника. А тот, догадываясь, что родители Гельмута не эвакуировались, а погибли, предлагает ему постоянную работу – подметать перрон. Платить ему не платят, зато кормят в вокзальной столовой и выдают пальто с форменной бляхой на нагрудном кармане.

С восточного фронта начинают возвращаться демобилизованные: оборванные, покрытые шрамами, безрукие-безногие калеки. Некоторые побираются на перроне: сидят на дырявых одеялах, невозмутимо выставив напоказ свои увечья. Это и стыдно, и запрещено; Гельмут обязательно сообщает о них охране. Он негодует на них за то, что они позорят погоны. Ватное форменное пальто отлично скрывает неровные плечи, и Гельмут наловчился подметать одной левой рукой, закладывая правую в большой нагрудный карман. Он работает метлой сосредоточенно, мелкими сильными взмахами, и охранник не нарадуется на свой перрон. Гельмут рад похвалам и трудится на совесть. Вечером, когда вокзал запирают, он неохотно отдает охраннику свое пальто.

* * *

В феврале англичане перестают бомбить Берлин, и за дело берутся американцы. Пара налетов – и на день-два движение поездов замирает, пока не починят рельсы. Но и тогда Гельмут ходит на вокзал и, надев пальто, сидит на перроне. После наполненных криком, студеных, голодных ночей он измучен и растерян. В тишине вокзала, под остатками стеклянной крыши, он то и дело проваливается в сон, ему снятся поезда, набитые оцепеневшими людьми, вереницами уезжающие из Берлина на восток. Эти сны не такие страшные, какочные кошмары, но и они выбивают Гельмута из колеи; он встает и, пока держат голодные ноги, шагает по пустым платформам.

* * *

Летом сорок четвертого, пока союзники заняты освобождением Франции, бомбёжки ненадолго прекращаются. В период затишья Гельмут больше работает на вокзале, убирает не только перрон, но и подсобные помещения. Охранник дает ему с собой картошки или овсяной крупы, и, позаимствовав из вокзальной столовой кастрюлю и миску, Гельмут учится готовить. Ночи становятся короче и теплее, кошмары бледнеют, не снятся иногда по целым неделям. Теперь, когда он не так изможден и сил прибавилось, он снова берется за камеру.

На улице теплынь, летом по утрам и вечерам бывает такой свет, что Гельмуту с его глазом фотографа просто не устоять. Косые лучи солнца золотят стены домов и груды мусора, отбрасывают на развалины, выщербленные площади и мостовые длинные причудливые тени. Гельмут встает рано, до рассвета уходит из подвала, каждый день проделывая один и тот же ритуал. Он отпирает темную комнату и, выбрав камеру и взяв строго ограниченное количество пленки, отправляется в город, чтобы успеть заснять огромную небесную ширь и разрушенный Берлин. Часовую башню, одиноко возвышающуюся над церковью Кайзера Вильгельма, и соседние развалины Тиргартена. Скелеты гранд-отелей на Унтер ден Линден. Обломки люстр, поблескивающие среди складок разорванных, грязных гобеленов. Гельмут хочет украсить гобеленами свой подвал, но от весенних дождей они разбухли, напитались влагой и воною.

Он продает фотобумагу и реактивы Гладигау, а взамен покупает еду и пленку, раскладывая пронумерованные негативы ровными рядами на каменных полках в подвале. Отгораживает за тряпьем, которое служит ему постелью, угол и там вечерами проявляет пленки. Гельмут заносит номера негативов в тот самый кожаный блокнот, в котором отмечал перемены в Берлине. Цифры помещаются в тесные и аккуратные колонки: Гельмут экономит место, экономит бумагу, придерживается простой и понятной системы. Все готово к победе, мирному времени и печати снимков.

Его теперешняя жизнь проходит в уединении, людей нет даже на фотографиях, но он не чувствует себя несчастным. Опустевший Берлин его больше не пугает. Он ходит всюду, фиксируя на своей строго отмеренной пленке большие части города, долгими июльскими днями добредая до самого Потсдама и Бранденбурга. Если к закату не успевает домой, ночует в разбомбленных зданиях; маршруты прокладывает поближе к пунктам раздачи питания – только бы не голодать. По несколько дней не появляется на вокзале, но охранник со временем привык и за него не беспокоится. Гельмут не рассказывает ему о фотографиях, однако охранник и сам вскоре подмечает, что Гельмут пропадает в хорошую погоду и возвращается в хмурые дни. И всегда наверстывает работу.

* * *

Гельмут любит свой подземный дом и, хоть и обожает вылазки в город, всегда возвращается туда с удовольствием. Один кадр с каждой пленки обязательно посвящается подвалу, и таким образом вскоре набирается портфолио: пылающая печка, блики на треснутом оконном стекле, уютная, сделанная из тряпья постель. На другой фотографии – веревка выстиранной одежды и под ней, в разломах каменных плит, набежавшие лужи. Гельмут рассматривает негативы на свет, узнает на них пижаму, в которой был той ночью, когда прилетели бомбардировщики и родители пропали. Глаз у него теперь наметан. Он определяет по негативу хороший снимок, различает резкость, композицию, теневые нюансы. Умеет инвертировать белое в

черное, темно-серое в светло-серое. В подступающих иной раз воспоминаниях мутти и папи видны нечетко, изображение смазано по краям. Гельмут думает о Гладигау. Отбирает лучшие снимки, которые когда-нибудь ему покажет.

* * *

Когда дни становятся короче и возобновляются бомбежки, жизнь Гельмута возвращается в прежнее русло. Как и предыдущей зимой – ночи без сна и дни в полуодреме на платформе. В темной комнате лежит, дожидаясь весны, оставшаяся пленка. С наступлением зимы и до самого ее исхода Гельмут тоже впадает в спячку.

В последний раз подымается на врага немецкий народ, и Гельмуту наконец улыбается удача. Услышав новость, охранник сжимает его здоровое плечо и шепчет, что все скоро закончится. Гельмут удивленно соглашается. Его сейчас интересует только война.

Обмундирование Гельмуту не выдают, в его распоряжение поступает лишь одна неказистая шинель с нарукавной нашивкой и саперная лопатка. Горстка автоматов достается самым юным мальчишкам, которых отправляют на уцелевшие высотки. Желторотые снайперы набивают руку на негодных бутылках, на кошках и крысах, обитающих в развалинах домов.

Гельмут достает камеру из темной комнаты и никогда с ней не расстается, снимая все подряд. Он хочет запомнить каждый момент этого счастливейшего периода своей жизни. Надвигается Жуков, а с ним – огромная Советская Армия и монгольские степные орды. Они подступают к Берлину, отрежут город, как отрезали и уничтожали немецкие укрепления от самого Сталинграда, но Гельмут уверен в победе, в грандиозном триумфе, коего станет участником и фотографом.

Время от времени через вокзал проезжает поезд, неизменно набитый под завязку и облепленный беженцами. Через окна и двери пассажиров выталкивают на крышу, а за поездом по платформе бегут еще люди, подпрыгивая, цепляясь за поручни, подоконники, за все, что подвернется; но иные так слабы и ко всему безразличны, что и руки не могут поднять.

Поезд, не останавливаясь, медленно подвигается вперед: так медленно, что кажется, будто стоит на месте, но, приглядевшись, Гельмут видит, что колеса все-таки крутятся. Обязанности у Гельмута не определенные, каждый день разные. Ежедневно защитники Берлина собираются и делают то, что им прикажут. Перегораживают дороги, наваливают камни, роют ямы. Учатся драться с помощью любых подручных средств. Старики в дорогих шляпах решительно сжимают в руках импровизированное оружие. Они отдают снайперам сбереженные патроны, но те чаще всего к автоматам не подходят.

Если распоряжений никаких нет, Гельмут идет на вокзал посмотреть на поезда с беженцами. Дремлет на мешках, и все года сливаются в один, так что порою он даже начинает прикидывать, не пойти ли попытать счастья на кулечек лакричных леденцов. Если поезда следуют утром, когда на вокзале хорошее освещение, Гельмут фотографирует. Вечером, в сумерках, или днем, когда слишком длинные тени, Гельмут идет рядом с поездом, выставив напоказ нашивку на рукаве, как прежде выставлял большую руку. Он говорит в окна и двери цитатами из речей Führer'a, толкует беженцам о судьбе, доблести и славе Götterdämmerung'a⁷. Кто

---

⁷ Götterdämmerung – буквально: сумерки богов (нем.).

то плюет, кто-то матерится и орет, некоторые соглашаются – все-таки кто-то да соглашается. Большинство не обращают на Гельмута внимания, глядя мимо него через вагонное стекло тусклыми, почерневшими глазами.

Беженцы идут через Берлин и пешком. На ногах запекшая грязь, щеки ввалились от долгого пути. Гельмут снимает их и говорит: «Добро пожаловать домой». Но они, как те поезда, не останавливаются. Ночуют в чревах разрушенных домов, иногда делают передышку на день, от силы на два, но не больше. Этих безжизненных людей гонят вперед опасность с востока. Идет, говорят они, армия, огромная, как континент, грозная, лютая, не ведающая жалости. Говорят о наказании, вроде бы заслуженном. Проходят и рассказывают небылицы о жутком истощении и печах, зловонном дыме и ямах, наполненных телами. Некоторые говорят, что видели это собственными глазами, некоторые с ними спорят. Голоса бубнят монотонно и равнодушно. Невнятные, голодные, слабые.

Берлин, апрель 1945-го

Сегодня они весь день сооружали завалы, и теперь Гельмут собирает здесь ребят из своей бригады. Геройская баррикада, оплот рейха. Солнце пошло на убыль, и освещение замечательное. Он делает снимок, потом товарищ сменяет его за камерой, и на следующей фотографии Гельмут стоит вместе со всеми. С толстяками и слабыми мальчиками с гнилыми зубами, со стариками и безрукими-безногими калеками. На левой руке у Гельмута нашивка, правая висит немощно и криво, налезая на грудь, снова опавшую за последние голодные месяцы. Люди выглядят усталыми, почти все серьезны. Но трое или четверо, повернувшись к Гельмуту, своему фотографу, улыбаются.

Гельмут непринужденно стоит среди них, ссутулившись, но высоко подняв голову. Город за его спиной разрушен и вскоре будет поделен. Через несколько дней самоубийство ускорит советское вторжение; скромный холмик на месте бывшего здания у Гельмута под ногами станет границей между британской и французской территориями; и в новом Берлине Гельмут не отыщет дома, где прошло его детство. Но на этой фотографии Гельмут делает то, чего ни разу за все детство не сделал на портретах, любовно отпечатываемых Гладигау. Гельмут стоит на вершине своей баррикады, которую потом с легкостью подомнут под себя советские танки, – и улыбается.

Лора

Берлин, начало 1945-го

Лора, задремывая, лежит в темной комнате. Недавно ее разбудил шум, немного погодя она уснула, потом проснулась опять. Лежит, окутанная тихой ночью, на окне цветут морозные цветы. Руки и ноги у Лоры теплые, тяжелые. Наверное, думает она, ей просто почудилось: стены, окно, потолок раздвинулись, а за ними открылось пространство грез.

Хлопает дверь, стены снова на месте, выстроились вдоль кровати. Не открывая глаз, Лора прислушивается. Слышит, как сопит младшая сестренка. Шепотом зовет.

– Лизель. Анна-Лиза!

В ответ лишь глубокое дыхание спящей. Лора погружается в сон. Одна минута, две, десять. Она не знает, сколько времени прошло, но шум вдруг доносится снова.

Хлопанье дверей, голоса. Теперь Лора без колебаний распахивает глаза и ждет, когда под дверью вспыхнет полоска света. В доме по-прежнему темно; внизу кто-то шепчется; чтобы лучше слышать, Лора соскальзывает с постели.

– Что происходит?

– Все будет хорошо. Очень скоро. Вот увидишь.

*Фати*⁸ приехал. Он в форме, стоит внизу лестницы. Его обнимает мутти, а в дверном проеме стоит навытяжку солдат, за спиной которого, на дороге, Лора различает грузовик. Холодная ночь льется через порог, скользит по перилам, устраивается у босых Лориных ног. Отец заполняет собой всю прихожую. Он гладит по голове вцепившуюся в его рукава маму и зовет: Аста, *meine Astalie* – а она плачет без слез. Рот раскрыт, губы силятся сдержать негромкий, сдавленный звук.

– Фати!

– Лора. Моя Ханна-Лора. Еще вытянулась.

Лора утыкается лбом ему в плечо, и он смеется, а мутти проводит по ее лицу нервной рукой.

Работают быстро: фати вытряхивает ящики, мутти укладывает сумки, солдат носит их в грузовик. Лора с Лизель стоят у входной двери. Сонные и неповоротливые: поверх ночных рубашек на них надели платья, а сверху еще пальто. Темень, видно плохо, но родители света не зажигают. Просыпается малыш. Фати берет его на руки, баюкает; мутти, немного постояв и посмотрев на них, уходит наверх будить близнецлов.

Держась за Лорину руку, сестра глядит на отца с братишкой.

---

⁸ Фати – папочка, папа (*nem.*).

– Мы назвали его Петером, в честь тебя, фати.
– Я знаю, Лизхен.

Улыбается. Лора тоже глядит на него. Фати как фати, но не такой, как всегда. Не как на фотографиях. Не как в прошлый раз. *На Рождество – не на это, на предыдущее*. Фати переводит взгляд на Лору.

– Пойдем. Я принесу одеяла. Устроим вас в машине поудобней.

Кажется, едут они много часов. Из деревни выбрались в долину. Мутти с Петером на коленях молча сидят впереди рядом с фати. Ни огонька. Тьма и шум мотора.

Лора с сестрой и братьями сидят в кузове на вещах. Лизель спит, открыв рот, близнецы рассматривают отцовский затылок. Сидят тихо, плечо к плечу, нога к ноге. Покачиваются головами в такт движению, таращат сонные, удивленные глаза. Лора шепчет.

– Это фати.

Кивают в ответ.

Останавливаются они посреди сверкающего инеем двора. Какие-то люди, фонари, незнакомая комната с двумя кроватями, пахнущая сыростью и соломой. Когда мутти задувает фонари, на улице уже сереет. В дальней стене комнаты – широкое окно, и Лора видит отца, его плечи; различает на фоне сереющего неба сгорбленный черный силуэт. Лоре холодно в их с Лизель кровати. Отец приносит новое одеяло, укутывает Лору и целует. От него пахнет потом, и колется щетина на подбородке.

– Где мы?
– На ферме. Здесь безопасно.

Его шепот убаюкивает Лору.

– Самое место переждать эти последние недели.

Когда она снова просыпается, в незнакомой комнате светло, а отца уже нет.

* * *

Мертвая пора между войной и миром. Все равно что плыть стоя. Или задерживать дыхание, пока птичка не улетит. Текут недели, настает весна, ветреная и синяя, и дни кажутся Лоре длинными и бесформенными.

Ферма стоит у подножия холма на берегу тихой речушки, затерявшись в зелени долины. Лора знает, что приближается армия. Русские – с одной стороны, американцы – с другой. В Гамбурге у них был особняк с большим садом и служанка. Даже после эвакуации, в деревне, у них был отдельный дом. А здесь они живут в шестером в одной комнате. Утром прислоняют кровати к стене, а на ночь опускают снова.

Глядя на тени от туч, плывущие по холмам, Лора обрывками, как сон, вспоминает полночный приезд отца. *Очень скоро. Вот увидишь.* Проходят месяцы, а ничего не меняется. Занимаясь домашними делами, она уговаривает себя подождать: наша победа не за горами. *Осталось недолго.*

Погода замечательная. Лизель с братьями дни напролет проводят на улице; сначала они играют во дворе, но вскоре, от скучи, забираются все дальше в поля. Мутти беспокоится, если их не видно, мечется по комнате, а когда они наконец приходят, срывается на крик.

Почти каждый день жена фермера приносит еду. Хлеб, яблоки в тесте, кислую капусту, яйца и молоко. Иногда бывает бекон или маленькие, сморщеные осенние яблочки. Стоя в дверном проеме, гостья одаривает улыбками малыша и близнецов.

После обеда Петер спит, мутти и Лизель штопают чулки, а близнецы играют под столом. Тихо играть они не умеют, шепчутся на всю комнату.

В ясные дни Лора различает в далеких складках холмов небольшой городок: грифельные столбики дыма из труб, столбик потемнее – шпиль. С того конца долины доносится грохот орудий. Иногда, если шум сражения slab и звуки его не проникают в дом, Лора приоткрывает окно и ищет в безоблачном небе самолеты Luftwaffe, представляя, как падают в долину бомбы, принося с собой пожары и смерть. Но слышит одни только птичьи трели.

Когда вечером мутти задувает лампы, Лора отгибает край шторы. А утром видит в щелку полоску синего неба над головой. Каждый день она встает и ложится с мыслью о фати, сильном и гладко выбритом, и о том, когда кончится война. В мирной полуутоме зашторенного утра Лора представляет, как преображается долина с наступлением победы. С горы ей открывается парад, шествующий из деревни в деревню, усеянные цветами поля, заполненные людьми склоны; она видит искрящееся солнце в собственных глазах и протянутые к ней руки, слышит слитые в песне голоса.

* * *

Вечереет, и Лора помогает мутти укладывать детей. Замечает в окне фермера, следом за которым идет его сын. Мутти натягивает пальто; Лора тоже направляется к двери, но мутти качает головой.

– Останься здесь. Я через минуту вернусь.

Она выходит, и, закрывая за ней дверь, Лора оставляет щелку, достаточную, чтобы видеть во дворе всех троих. Фермер принес бекон и мешочек овсянки, но хочет еще о чем-то поговорить. Слов его Лора не слышит, видит только рот, такой же, как у его жены, грубо выпленный. Он указывает в сторону долины, и мамина рука вспархивает к лицу. Сын фермера отрывается от мутти свой тяжелый, тупой взгляд и сплевывает на землю. Подняв голову, он натыкается взглядом на Лору, и та отскакивает от двери.

– Куда мутти ушла?

Лизель проснулась и стоит у двери. Теплая ото сна, прижимается всем телом к Лоре. Тянется к двери, но Лора перехватывает руку.

- Она сказала, чтобы мы не выходили.
- Почему?

Лизель норовит вырваться, поэтому Лора впивается ей в руку ногтями.

- Ой!
- Не будешь дергаться, ничего тебе не сделаю, глупышка.

Лизель начинает реветь. Близнецы приподнимаются на кровати и смотрят, как сестры взятся возле двери.

- Ну, теперь ты получишь, Лора.
- Не получу. Успокойся, Лизель, я не сильно тебя ушипнула.
- Мутти будет на тебя ругаться.
- Замолчи, Йохан. Спи давай.
- Не хотим мы спать!

Лора пытается утихомирить Лизель, но та, не глядя на нее, плачет и вырывает руку. Близнецы правы: мутти будет ругаться, и после этого ночь в крошечной комнате будет невыносимой.

- Лизель, ну, пожалуйста. Анна-Лиза! Если ты перестанешь плакать, я тебе кое-что дам.

Взобравшись на кресло, Лора достает сахарницу с верхней полки, куда ее спрятала мутти. Лизель мгновенно перестает плакать и, облизнув палец, запускает его внутрь. Сосет, макает, снова сосет. А Лора тем временем отирает ей щеки, уничтожая следы потасовки. Близнецы молча за всем этим наблюдают, потом Иохан вдруг встает и направляется к сестрам. Следом, волоча по полу одеяла, идет Юри. Они тоже облизывают пальцы и собираются уже обмакнуть их в сахар.

- Нет. Вы двое – нет.
- Почему, Лора?
- Иди ложись, Йохан. И ты, Юри. Пожалуйста.
- А мы расскажем мутти, что ты ушипнула Лизель.
- Мы расскажем, что ты дала ей сахар.

Вздохнув, Лора подвигает к ним сахарницу, но Лизель выхватывает ее прямо из-под рук близнецовых.

- Нет, Лора. Это только мне.

Йохан сердито ее отпихивает, а Юри, отбросив одеяла, становится рядом с братом.

- Не вякай, Лизель.
- Юри, вам нельзя.
- Кто ты такая, чтоб командовать?
- Я вас старше.
- Нам Лора разрешила, а она старше *тебя*.

За спиной в дверях стоит мутти.

У Лоры начинает тянуть в животе.

Мутти выкладывает на стол принесенные фермером продукты и, взяв кружку, швыряет ее об пол.

Теперь молчат все, кроме расплакавшегося Петера. Мутти берет его на руки и уносит в кресло у дальней стены. Садится к ним спиной.

– Все в кровать. И ты, Лора. Спите.

Мутти долго сидит в кресле, не гася лампу, даже когда Петер затихает. Лора лежит рядом с Лизель и притворяется, что спит. Наблюдает сквозь ресницы; вот мать улыбается малышу, вот нервно блуждает взглядом по комнате.

Лора вспоминает, как мутти, стоя с фати в прихожей, плакала без слез. Думает. *Уже скоро. Ожиданию конец.*

* * *

Утро, и солнце льется через подоконник в комнату. Мутти сидит в тени у окна за столом и разбирает вещи, какие оставить, какие сжечь.

– Мам, а зачем? Фати приедет? Мы опять переезжаем?

Ответа не последовало. Лора ставит ведро около окна, к свету, и, повернувшись к матери спиной, моет посуду после завтрака. Во дворе возле насоса играют близнецы, но через стекло их голосов не слышно. Лизель сидит на улице под окном, вяжет носки и качает Петера в коляске. Стекло старинное, утолщающееся книзу. От мелькающих сестринских рук рябит в глазах. Позади в карманах и ранцах роется мутти. Выкладывает на стол книжки, значки, школьную форму. В печке трещат сырье дрова. На улице ветрено, а дети гуляют без пальто. В доме жара.

Лора берет вещи со стола и бросает в печь, а мутти тем временем перебирает фотографии в альбоме.

Особо ценные, дорогие осторожно вынимает из белых наугольничков и раскладывает подле себя на стеганом одеяле. После чего заворачивает их в чистую тряпочку и убирает в ящик, а альбом оставляет на столе. Все утро Лора хлопочет, следит за тем, как горят вещи и бумаги, раскладывает вокруг трубы дрова для просушки.

Поначалу альбом горит плохо, слишком уж он толстый – пламя его не сразу берет. Синяя льняная обложка коричневеет и съеживается, жар, идущий из открытой дверцы, высушивает Лорины глаза. Лизель расплакается, когда не найдет своей школьной формы, близнецы станут спрашивать про книжки. Мутти глядит на опустевший стол, рот ее раскис, в пальцах тлеет сигарета. Затворив заслонку, Лора открывает трубу; страницы занялись, дело сделано.

* * *

Некоторое время спустя мутти вылавливает чайной ложкой из пепла значки и заворачивает в носовой платок. Зовет детей в дом, а Лору просит взять Петера и идти вдоль реки не меньше километра, отыскать место, где сильное течение.

– Не уходи от воды. Держись подальше от дороги и давай быстрее. Я буду ждать тебя.

С Петером на закорках Лора бредет вдоль реки, приговаривая:

– Мы их здесь пересидим. Последние эти денечки.

Скоро придут враги, но Лоре не страшно. Она будет храброй и терпеливой, ведь она верит в *Endsieg⁹*. Так сказал фати. Все скоро закончится. Все будет по-новому, и она дождется этого момента. Из-за гор выступят армии; долина наполнится гулом и смертью, а потом настанет победа.

Ссадив Петера на землю, Лора разжимает кулак и бросает значки в реку. Значки тонут, но совсем рядом с берегом, далеко от стремнины; Петер тянется к ближайшему из них своей влажной, пухлой ручкой. От печного жара значки покорежились, эмаль на них потускнела, но свастика по-прежнему различима. Лора, разувшись и сняв чулки, заходит в воду и вылавливает значки.

Вновь они одиноко бредут по мокрым полям, за спиной в такт шагам покряхтывает Петер. На границе с соседней фермой Лора вытряхивает платочек в заросли куманики. Один или два значка, зацепившись за ветки, отскакивают, и Лора втаптывает их в землю, присыпая комьями и травою. Ополоснув руки, она легонько окунает Петера ножками в воду, и малыш хохочет. Пригревает солнце, холмы баюкают голоса.

Лора вспоминает, что мутти ждет их и, наверное, уже волнуется. И с уснувшим Петером на руках она возвращается к ферме раздольными, безмятежными полями. Шепчет братику:

– Пока победа не настанет, будет тяжело.

Она готовится встретить кровь и пламя.

* * *

Когда приходят американцы, Лора стоит у окна и чистит картошку.

Близнецы, а за ними и Лизель в который раз улизнули со двора, и мутти пошла к воротам звать всех домой. Мать наверняка заметила джип, но все же Лора стучит ей в окно, оставляя на стекле грязные картофельные потеки. Мутти не оборачивается. В немом оцепенении она наблюдает, как джип медленно катит по пастбищу к их двору.

---

⁹ Endsieg – окончательная победа (нем.).

Американцы останавливаются, чтобы открыть верхние ворота, а мутти заходит в дом. Говорит Лоре:

– Работай, работай.

Вытерев руки, поправляет волосы, достает из кармана помаду, надевает шляпу и пальто.

Лора присматривается к матери, но та не выдает своего испуга. Мутти выходит, и Лора возвращается к работе. Из бурой воды вылавливает грязные картофелины, а почищенные опускает в чистую воду. Руки порозовели, кровь шумит в ушах. Сейчас она знает только запах сырой земли и свои холодные пальцы. В горле ком.

Мать встречает солдат во дворе. Они выходят из джипа, заводят разговор, но мотор не глушат. Мутти напряжена. Один солдат листает бумаги и внимательно слушает. Второй, прислонившись к автомобилю, задает вопросы. Написав что-то, первый солдат протягивает мутти бумагу. Та, чтобы лучше разглядеть, подносит листок к лицу. Лора замирает с ножом в руке. Люди за окном молчат, мотор по-прежнему работает. Мутти переворачивает листок и читает на оборотной стороне, а американец в нетерпении постукивает о землю носком ботинка. Мутти начинает что-то говорить. Проводит рукой по лбу, потом указывает на дом. Тот американец, что стоит у джипа, огляделся по сторонам, замечает в окне Лору. Другой поднимает вверх четыре пальца, но мутти, покачав головой, поднимает пять. Эта цифра тоже заносится в папку. Оба американца, а за ними мутти, подписывают бумаги. Один экземпляр достается мутти. Она крепко сжимает конверт с бумагами и стоит не шелохнувшись до тех пор, пока джип не скрывается из вида.

Дети приходят домой поздно, но сегодня мутти их не ругает. Они, как обычно, ужинают за одним столом. От радости, что удалось избежать заслуженного наказания, Лизель хихикает, а близнецы толкаются под столом. Мутти ни словом не обмолвилась об американцах. Это их с Лорой секрет.

Лежа с закрытыми глазами в одной с Лизель кровати, Лора слышит, как мутти забирается на большую кровать, к Петеру и близнецам, и гасит лампу. Американцы лучше, чем русские. Русские бессовестные. Они грабят, поджигают дома и обзывают женщин. А американцы приезжают с бумагами и даже не заглядывают в дом.

Лора открывает глаза, думает. Бои могут начаться прямо этой ночью. Бомбят же всегда по ночам.

В памяти всплывают значки в куманике. Надо было забросить их подальше в воду, скончонить под камнями на дне реки.

Лора лежит, вслушиваясь в тишину, но орудий не слышно. Слышно только, как мама дышит. И только лишь когда ее дыхание становится ровным и глубоким, Лора тоже разрешает себе уснуть.

* * *

Мутти сказывается больной и спит, повернувшись к стене. Притихшие голодные дети молча наблюдают, как Лора ищет деньги в маминых карманах. Братья остаются дома, а Лора с Лизель и Петером выходят со двора и короткой тропинкой идут к фермеру за едой.

Жена фермера, забрав у Лоры деньги, оставляет их ждать у дверей. Пока ее нет, Лизель суется внутрь и шепотом рассказывает сестре про громадную печь и железную ванну, висящую на стене. Лора смотрит на возвращающуюся из сарайя фермершу. Перед глазами встает их деревенский дом; потом семейный особняк в Гамбурге, где они жили, пока город не стали бомбить. Обои в спальнях, горячая вода из крана. У фермера на кухне уютно, говорит Лизель, лук висит и копченые окорока, а перед духовкой сидят пять свежеиспеченных буханок.

- Ваша мать еще здесь?
  - Да, конечно.
  - Тогда будьте добры, передайте, что мой муж хочет с ней поговорить.
  - Конечно.
- Лора, о чем она говорила?

Лора отдает уставшей Лизель корзину с яйцами, а Петера забирает себе.

- Ни о чем. Не урони их, Лизхен.
- Она думала, что мутти уехала.
- Да нет же. Аккуратней с яйцами, держи корзинку повыше, не то грохнешь об землю.

Мутти в халате стоит у дверей. Глаза прищурены, волосы слиплись и потускнели. Она забирает у Лоры корзину с яйцами, а дети тем временем прошмыгивают во двор.

- Мальчики были голодные.
- Они утром ели хлеб.
- Но это все, что осталось.

Мутти снова ложится в постель и закуривает последнюю сэкономленную сигарету. На одеяле лежат уцелевшие фотографии фати. Петер спит, Лора сидит за столом и плачет.

- Долго мы тут еще пробудем?

Ей вспоминаются деревенские женщины: под зимним дождем стоят они у магазинов в очередях, похожих на похоронную процессию, а с юбок черными струйками стекает краска. В комнате жарко, воздух сухой, тяжелый от болезни и сигаретного дыма. В Гамбурге фати, бывало, усаживался с Лорой на крыльце и шевелил пальцами ног в толстых шерстяных носках. Он всегда носил подтяжки. Близнецы ползали за ним по саду и, глядя на свое отражение в черных высоких сапогах, заливались смехом. *Скоро война закончится*. Лора закрывает глаза и мысленно проносится над долиной, зовет войска, зовет сражение. Видит траву по обочинам

landstrasse¹⁰, колышущиеся на ветру метелки злаков. Где-то рядом поет птица. Лора слышит за окном ее высокий, чистый голос.

У мутти жар, виски взмокли. Приподняв одеяло, мать пускает Лору к себе в теплую постель. Фотографии сыплются на пол.

Устроившись поудобнее, Лора понемногу успокаивается. Мамины слезы щекочут ей кожу, мокрая щека прижимается к уху. Мутти шевелит губами, шепчет что-то, чего Лора не может разобрать. Лора натягивает одеяло повыше, накрывает обнимающие ее руки. Мама худая, почти как на свадебных фотографиях, разметавшихся по полу возле кровати. Пока мать спит, Лора рассматривает снимки. Мутти, фати и ома¹¹ в Гамбурге на фоне озера. Стоят у перил на Юнгфернштиг. *Я тогда еще не родилась*. Лица знакомые и незнакомые одновременно. Все трое улыбаются, придерживая шляпы, а ветер раздувает их пальто.

* * *

На рассвете мутти, пообещав принести к завтраку свежего хлеба, уходит в город, ноозвращается только после полудня. Лора с Лизель и Петером выходят встречать ее за ворота. В сумке у мамы ничего нет, пальто нараспашку, развевается по ветру. На руках у Лоры кричит Петер, просится к мутти, но она его не берет. Волосы упали маме на лицо, и Лора не видит ее глаз. Солнце слепит глаза. Мутти сообщает дочерям новость. Война окончена. Наш Führer умер.

Мать утешает плачущую Лизель:

– Лизхен, вспомни, как он сражался за нас. Какой он был храбрый.

Лизель кивает, обеими руками утирая лицо. Лора стыдится своих пылающих щек. Значит, сражения в долине не будет. Жертв и страданий тоже. Ей стыдно за свое неожиданно вспыхнувшее внутри чувство облегчения. Она вдыхает полной грудью, чтобы побороть свою трусость, чтобы запомнить навеки. Запомнить это поле, и как они стоят друг против друга, как Петер протягивает ручки к мутти, а она поднимает его вверх, к небу, и он смеется.

* * *

Наутро мутти снова идет в город и снова возвращается без еды. Ложится и не встает с постели. Дети от голода не находят себе места. Лора отсылает их на улицу, но они играют неохотно и быстро возвращаются в дом. Ближе к вечеру Лора опять ищет в маминых карманах деньги и, прихватив Петера и Юри, отправляется за едой, теперь уже на соседнюю ферму. Они покупают там хлеба, квашеной капусты и по яйцу на каждого; яйца Лора рассовывает по карманам. Петер сидит у нее на плечах и, чтобы не упасть, держится за ее уши. Юри, напевая, идет впереди в сумерках, рядом течет река. Лора смотрит на брата. Затылок у него, как у фати, – точная копия, только в миниатюре, даже вихор на макушке такой же. Он оборачивается и, дождавшись сестру, пристраивается рядом.

---

¹⁰ Landstrasse – проселочная дорога (нем.).

¹¹ Ома – бабушка (нем.).

- Когда американцы уйдут?
- Не знаю, Юри. Скоро.

Она запевает новую песню, и Юри, глядя прямо перед собой, шагает по высокой прибрежной траве в такт мелодии. Лора смотрится в темную воду. Она похожа на великана с голо-вой-глыбой. Заснувший Петер сполз вниз, теперь его щека касается ее уха.

У нижних ворот их поджидает сын фермера. В полутьме его лицо едва различимо. Лора отсылает Юри с Петером к верхним воротам. И пока они не отходят на почтительное расстояние, фермерский сын с угрюмым видом стучит ногой по забору. Затем подступает к Лоре.

- Американцы хотят посадить вашу мать в тюрьму.
- Вовсе нет. Они уже приезжали. Даже в дом не зашли.
- Она весь город обегала, просила хоть кого-нибудь взять вас к себе, да только никто не согласился.
- Врешь! Деревенщина! Ты ничего не знаешь.
- Вы здесь никому не нужны. И мы вас прогоним, увидишь. Как только вашу несчастную мать-нацистку упекут в тюрьму.

Лора что есть силы толкает его, но тот не шелохнется. Тоже толкает Лору, и она падает на бок. В кармане разбиваются два яйца. На какое-то мгновение оба замирают на месте, но потом он делает шаг вперед и протягивает руку, чтобы помочь Лоре подняться. Вдруг раздается громкий шлепок, и парень, чертыхаясь, отскакивает в сторону. Что-то плюхается на траву возле Лоры. Тут еще раз что-то проносится над ее головой и шмякается парню об ногу, вызвав новый поток ругательств. В полутьме на выгоне Лора различает две фигуры – Йохана и Юри. Йохан целится в третий раз.

- Не трогай нашу сестру!

Фермерский сын утирает рукавом окровавленное ухо. Вскочив, Лора бежит через ворота к близнецам. Йохан кидает еще камень и бежит вслед за ней по выгону к Петеру, который сидит у верхних ворот и, похныкивая, сосет краюшку хлеба, которую дал ему Юри. Одной рукой Лора подхватывает Петера, другой – буханку. Остальной хлеб забирает Юри, а Йохан несет капусту.

- За что он толкнул тебя, Лора?
- Откуда я знаю, Юри, он просто глупый мальчишка.

Спотыкаясь на колдобинах, они бредут в темноте. Ноге холодно от просочившихся через платье яиц.

- Я разбила яйца, несколько штук, когда падала. Мы скажем мутти, что я оступилась в темноте, ясно?
- А почему мы не расскажем ей про фермерского мальчишку?
- Потому что так надо, Йохан.

Они уже почти дошли, поэтому пререкаются вполголоса. Юри тянет брата за рукав, и они бегут вперед Лоры во двор. Усадив Петера у насоса, Лора, прежде чем идти в дом, пытается смыть с платья грязь.

* * *

– Мне нужно идти, Лора.

Отослав детей на улицу, мутти натягивает пальто. Достает из-под кровати заранее уложенную небольшую сумку.

– Ты отвезешь детей в Гамбург. Вот адрес бабушки. Розенштрассе. Когда увидишь, ты обязательно вспомнишь.

Она нарисовала карту.

– Дом 28 по Миттельвег в сторону моста. Знаешь, где остановка? Как сойдешь налево, потом первый поворот направо. Там увидишь большой белый дом и крыльцо, выложенное плиткой. Ведь всего два года прошло. Если что забудешь – спросишь у проводника.

Крестиком помечает на листе место, где живет ома.

– Вот деньги и драгоценности. Купишь на них билет на поезд. При первой же возможности. Понятно?

Снимает обручальное кольцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.